ПИОНЕР

24

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1933 г.

РЗФ

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 24

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Декабрь 1933 г.

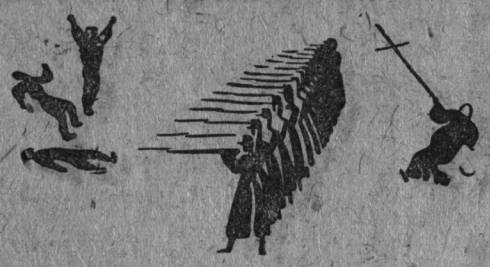
ПРОТИВ РЕЛИГИИ И ПОПОВ

В столице Австрии — Вене — с 8 по 12 сентября заседал католический конгресс. На него приехали представители попов разных стран.

Для охраны конгресса была мобилизована вся венская полиция, отряды «тирольских стрелков», фашистские военные отряды. Они стеной окружали здание, где происходил конгресс. На площадь и соседние улицы зрителей не пускали.

Почему так защищают капиталисты попов?

А вот прочти всю эту страницу, и ты поймешь.



ПИОНЕРЫ — ВРАГИ ПОПОВ

Во всех странах пионеры выступают против попов, хотя часто бывает, что за это их до полусмерти избивают фашисты.

Но ребята не боятся. Вот какие заметки пишут австрийские пионеры в школьной газете:

«Люби своего ближнего», так проповедует учитель закона божьего Кеслер, а сам бьет нас при этом толстой палкой. Хороша любовь к ближнему!»

«Попы говорят: не убий. Но почему же они ничего не сказали, когда поп Зейпель 15 июля 1927 года приказал стрелять в восставших венских рабочих?

Почему попы отпускают грехи фашисту, убившему рабочего, и доносят на рабочего, укравшего с голоду кусочек хлеба?»

МОНАХИ-КАПИТАЛИСТЫ

Недавно в японских газетах появились такие заметки: «На угольных копях Сисибана произошел взрыв газа. Десять горняков убито, шестнадцать ранено».

Но газеты скрыли, что шахты принадлежат буддийским монахам.

Вот что пишет журналист, который сам побывал на этих шахтах:

«Я прибыл в угольный район, когда там торжественно открывалась новая шахта. Меня удивило, что на открытии много монахов, но оказалось, что новая шахта принадлежит монастырю Циосима».

Настоятель монастыря произнес длинную речь.

— Под руководством церкви вы научитесь любить и уважать труд, — говорил настоятель.

Рабочие угрюмо слушали и молча разошлись задолго до конца.

Как же монахи учат рабочих «любить и уважать труд»?

«Нищета настолько велика, что у шахтеров нехватает средств на бумагу, чтобы заклеить стену. Ветер гуляет в грязных сырых домишках. В каждом ютится сразу несколько семей. Редко появляется в какой-либо семье чашка риса».

Зато монахи хорошо заботятся о «спасении души» шахтеров. Их заставляют ходить на молитву в монастырь, а кто не ходит, того штрафуют или совсем выгоняют.

Катастрофы в шахтах обычное явление, так как никто не думает о безопасности шахтеров.

„СВЯТОЙ ГОД"

Римский папа об'явил 1933 год «святым годом», посвященным памяти христа. Папа выпустил «инструкцию» для попов о том, как проводить «святой год». Он советует побольше и пожалобнее рассказывать о страданиях христа, о его терпении и кротости для того, чтобы рабочие и безработные, которые действительно страдают, брали с него пример, вместо того чтобы бороться за свои права.

Папа так прямо и советует рабочим в своем обращении: «Пусть же трудящиеся ответят любовью капиталистам, пусть думают не о хлебе, но о душе».

«Святой год» приносит большие выгоды попам. Обманутый народ в это время усердно посещает церкви, ходит на поклонение «святым местам» и жертвует попам больше денег, чем обычно.

Первый раз «святой год» был об'явлен 633 года назад — в 1300 году. На поклонение папе собралось больше двух миллионов паломников, и они жертвовали так много денег, что два попа день и ночь стояли с граблями и, не считая, огребали золотые и серебряные монеты. Так рассказывает человек, который жил в то время.

Попам такая добыча очень понравилась, и они решили устраивать «святой год» почаще. Сперва хотели один раз в 100 лет, но следующий папа сказал, что это слишком долго, и назначил «святой год» раз в 50 лет. Следующему папе — Урбану четвертому — 50 лет тоже показались долгими. Он приказал праздновать «святой год» каждые 33 года.

После него нашелся еще более нетерпеливый папа, который решил праздновать «святой год» каждые 25 лет.

Так продолжалось все время. Последний «святой год» был в 1925 году. Но дела у попов сейчас плохи, во всех странах кризис, с голодных и с безработных рабочих прибыль небольшая. Поэтому теперешний папа Пий одиннадцатый решил:

— Чего там ждать еще целых 13 лет! Что еще через 13 лет будет!

И об'явил 1933 год «святым».

На этом деле попы хорошо подработали, и им жалко, что год кончается. Они решили теперь продлить «святой год» еще на 50 дней 1934 года.

П29
34 2

ПАТРОНЫ

Рассказ А. Гайдара

Рис. Ф. Полищук

★

Испуганные выстрелами лошади вывалили с тачанки в придорожную канаву раскупоренный ящик с патронами.

В спешке никто не позаботился их поднять. И только на следующее утро случайно наткнувшийся Гришка остановился перед разбросанными пачками и с восхищением воскликнул:

— Елки-палки, даешь их сюда!

Сбегал за сумкой, навалил столько, сколько мог дотащить, припер домой и, тяжело бухая сумку на лавку, сказал гордо:

— Вот, мама, на. Хорошие, новенькие. Я сейчас сбегаю еще принесу.

Но мать нисколько не обрадовалась и закричала:

— Ах ты, негодник, тащи сейчас же обратно! Я думаю, добра какого принес, а он — во что!

Огорчился Гришка и ответил:

— Хорошие, мама... Германские. Они как шибанут, только держись.

— Шибанут!—завопила мать.—Я вот шибану тебе кочергой по шее. Выбрось сейчас же в речку. Или ты забыл, как у тетки Катерины от такого баловства все горшки в печке разворотило!

Вздохнул Гришка и попер сумку из хаты.

Но патроны не выбросил, а запрятал недалеко, в кустах возле дома.

★

На следующий день дед Пахом сидел на крыльце и щурился, глядя на красноватый закат. Вдруг он повернул голову и сказал гришкиной матери:

— А что, Ганна, сдается мне, что либо петлюровцы, либо казаки где-то совсем близко.

— Что ты выдумываешь, старый,—испугалась мать.

— А то, что слышал я, как либо два, либо три раза за речкой бубухнул кто-то.

Тогда мать пошла в чулан, долго там рылась, выбирая из сундуков платья, которые получше, и, завязав все в узел, унесла куда-то к огороду.

Совсем к вечеру вернулся Гришка, и мать заметила, что рука у него завернута тряпкой, а рожа кислая, как будто его только что выдрали.

— Что это у тебя с рукой, Гришка?

— Это я, мамка, у костра обжегся. Ты завяжи мне получше.

Тут мать посмотрела на Гришку подозрительно и сказала, покачав головой:

— Ой врешь, Гришка!

Но руку все-таки завязала.

★

Но вот как-то к вечеру—на уличке топот, стук и гром. Просунулась в хату сначала винтовка, а за нею человек и спрашивает:

— Красных нету?

Но красные были в волости за десять верст. И ввалилась в деревеньку конная разведка человек в 15. Мо-

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

жет быть казаки, может быть петлюровцы,—кто их разберет.

У Гришки старший остановился. Вошел он в хату, стукнул прикладом об пол и говорит:

— А подать сюда хорошей жратвы и самого холодного молока.

Испугался Гришка, потому что были у него спрятаны в кармане патроны. Зажал он их в руках и выбежал во двор, чтобы выбросить, да, выскакивая, споткнулся о пустое корыто и разронял патроны по полу.

Наступил на патроны какой-то казак, поднял патрон и пошел показать старшему.

Насупился тогда старший и говорит:

— Не иначе как здесь оружейный склад. Обыщите вы все сараи, погреба, да и сундуки тоже. А кто тут есть в доме хозяин, посадите его пока в амбар.

И посадили старого деда Пахома в амбар.

★

Вышла на двор гришкина мать, заплакала и заругала Гришку:

— Чтоб ты пропал со своими патронами.

Пошел Гришка к соседу Егору и рассказал ему, как все нехорошо вышло.

Задумался Егор и говорит:

— Плохи дела! Надо выручать старика и к красным бежать, а то как бы его не запороли. Пойди послушай, что говорят казаки. Сейчас уедут либо на ночь остаться собираются. А я подожду тебя у обрыва на речке.

Пошел Гришка домой и видит, что собираются казаки на ночь оставаться, но все-таки опасаются красных сильно.

Постоял он еще немного, вдруг за хатами выстрел. Повскакали все. Выбегает из-за кустов казак и ведет в поводу лошадь, а сам кричит:

— Сюда... Сюда... Красные!..

Посмотрел на него старший и удивился:

— Что ты городишь, дурья голова. Это же конь.

— Это ихний конь,—ответил тогда казак,—а сам-то красный как прыгнет в кусты, только я его и видел.

Подошел поближе старший, посмотрел на коня и стал он чему-то дивиться.

А пока он дивился, прибегает другой казак и давай ругаться:

— Ах такие-сякие, кто моего жеребца увел.

— Разве ж это твой?

— А то чей же, чтоб вы подохли!

И собрались тогда все казаки в кучу и давай разбираться: как же это оно такое вышло?

★

А вышло вот как: ждал Егор у речки Гришку. И видит он, что едет казак по дороге. Захотелось казаку ноги вымыть. Привязал он лошадь к кусту, а сам вниз по крутой тропке к воде спустился.

Отвязал Егор тихонько коня и повел кустиками в лощину, чтобы вскочить верхом и скорее в волость—к красным, за подмогой.

Да наткнулся он на дозорного, бросил лошадь, а сам убежал.

И решил он тогда захватить свою винтовку, спрятанную на сеновале, а потом бежать по темноте пешком в волость.

Подобрался он к дому и видит, что возле амбара, где дед Пахом заперт, поставил часовой казак винтовку к стенке, а сам по лесенке с наганом на чердак зачем-то полез.

А у егоровой винтовки русских патронов всего две штуки было. Подошел он тихонько, вынул из чужой винтовки все пять патронов и перепрыгнул через плетень к себе на двор. И только он перепрыгнул, как опять наткнулся на какого-то другого казака.

— Ты, что тут прыгаешь?— спросил казак.— Али не знаешь приказа, чтобы дома сидеть, а не через плетни прыгать?

И отвел Егора к старшему. Посмотрел старший, подумал и приказал:

— А заприте его пока тоже в амбар.

И заперли Егора к деду Пахому в амбар.

Не нашел Гришка Егора у речки и вернулся уже совсем по-темному домой.

— Чтоб ты провалился со своими патронами,—еще пуще заплакала гришкина мать.—Посадили теперь под замок и дядю Егора.

И стало тогда Гришке очень жалко и деда Пахома, и дядю Егора, и свою мать. Сказал он тогда тихо:

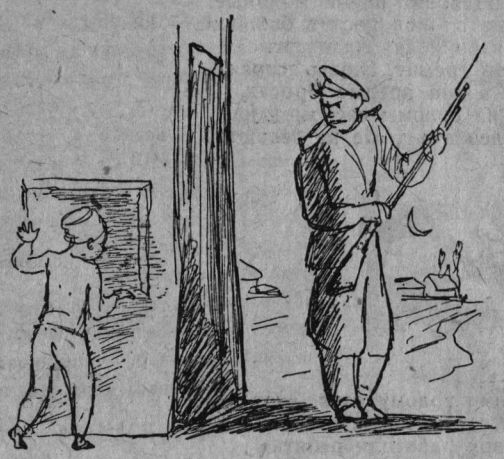
— Не плачь, мамка. Я и сам попробую.

И не успела мать ответить, как он уже исчез.

Пробрался в темноте Гришка к окошечку амбара и окликнул тихонько:

— Дед Пахом... а дед Пахом!

Но у казака, что за углом дверь караулил, уши чуткие были, выскочил он и крикнул, щелкая затвором.



— Стой! Кто идет?

Гришка—ходу. Хлопнул часовой раз, хлопнул два курком. А выстрела-то и нет.

Прибежал старший и начал ругаться:

— Что же это ты, дурная голова, с незаряженной винтовкой на пост становишься.

Но отказался казак:

— Провалиться мне на этом месте, если я только что недавно всеми пятью патронами не зарядил. Да вон она в траве моя пустая обойма валяется.

Посмотрел старший и видит—правда, на траве пустая обойма.

Собрались тогда казаки кучей и долго раздумывали: как же это оно такое вышло?

Сидела гришкина мать у окна на кухне и все плакала. «Хоть бы Гришка в волость пробрался»—думала она. «А то убьют белые старика Пахома или плетьми отхлещут. А много ли старик выдержит?»

Но тут что-то хрустнуло у окошка. Обернулась мать и видит, что гришкина голова из темноты высовывается.

— Откуда ты? — тихо спросила она.

— Дай спички,—шопотом попросил Гришка.

— Зачем?

— Дай,—настойчиво повторил Гришка и, протянув руку, схватил сам с подоконника коробок и скрылся опять в темноте.

И было во-время, потому что, услышав голоса, вошел из другой комнаты отдыхавший казак, осмотрелся и спросил:

— Ты с кем это, баба, разговаривала?

— Так... сама про себя,—ответила испуганная гришкина мать.

Ушел казак и сказал об этом старшему.

Удивился тогда старший и сказал другим:

— Чудные дела, ребята. Люди сами с собой разговаривают, винтовки заряженные не стреляют. Кони от казаков уходят. Сдается мне, что неладное что-то вокруг затевается.

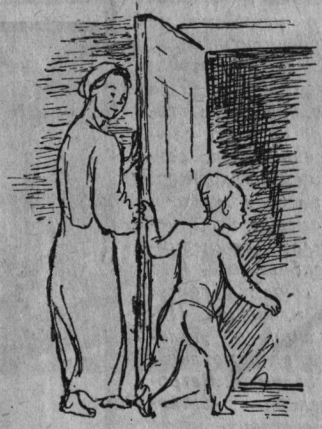
И тут покосились казаки на темные окна и стали думать: «А не лучше ли на ночь поближе к своим убраться?»

Но тут вдруг бабахнул в темноте выстрел. И пошло грохотать.

— Красные!

— Окружают!

Повскакали казаки в седла, и только окошки зазвенели от конского топота.



★

А когда стихло все, скрипнула дверь, и осторожно просунулась в избу голова Гришки.

— Никого, мамка?

— Никого, Гришка.

— Пойдем амбар отпирать.

— Погоди, Гришка. Пусть лучше товарищи сами отопрут.

— Какие еще товарищи?

— Ну какие? Красные. Ты глухой, что-ли?

— Нет никого!—хмуро заявил Гришка.—Это я в саду свои патроны сеном обложил, да и зажег спичкой. Вот тут-то они и запремели и запрохали.

Ничего не сказала мать. Вытерла слезы. И пошли они с Гришкой к амбару.

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

За последние полгода мы только второй раз печатаем стихи деткоров. Ребята недовольны, почему так редко: им нравится видеть свои стихи напечатанными. Тогда они задирают нос. Им кажется, что раз стихи напечатали, то они уже не хуже пушкинских; ну, а если хуже, так чуть-чуть.

Поэтому-то мы и не сразу завели литстраницу в журнале. Положим, будешь печатать только лучшие стихи и рассказы. В них конечно будет кое-что хорошее. Ребята у нас есть способные, а некоторые навострились писать очень гладкие стишки. Неопытный читатель и не отличит их, пожалуй, от стихов больших поэтов.

А на деле разница есть. И очень большая. Эту разницу должны научиться видеть и читатели и сами пишущие деткоры. Только тогда они будут двигаться вперед.

Редколлегия решила завести литературную страницу, чтобы показывать творчество ребят, и решила давать к этой странице замечания редактора, чтобы страница эта превратилась в литературную школу журнала «Пионер».

Первое занятие мы решили открыть произведениями деткоровской литбригады при редакции. В бригаде 22 участника. Все они школьники и пионеры.

Перейдем к стихам.

МОЛОТЬБА В КОЛХОЗЕ

Деткор Алексеев написал стихотворение о молотьбе в колхозе. Очень гладкое. Читаешь его, будто едешь по ровной дорожке. Нигде не остановишься, не запнешься, да и картина молотьбы как-будто получается. Попробуйте однако вчитаться и вы увидите, что молотьбу-то начинают не люди, а... лошади. Проснулись хаты, загремела молотилка, звенят песни детворы, бродят по кругу лошади, а старшие колхозники только после этого подходят и... «быстро на места свои встают». Кто же, спрашивается, всю работу наладил, если колхозники только сейчас встают на свои места?

Сам Алексеев не заметил этой несуразицы: она получилась от невнимательности к своей работе.

Алексеев пишет: «площадка тока». Ток—ведь это и есть площадка. Получается площадка площадки. Дальше: «ворох из соломы взгромоздив». Можно сказать «ворох соломы». Взгромоздить ворох нельзя. Взгромоздить — это значит составить нечто громоздкое. Ворох соломы громоздким быть не может. Ворох может быть с охапку; ну на вилы можно ворох соломы взять. Но вот ворох на ворох громоздить можно, и даже целую гору взгромоздить.

Неяркая у Алексеева рифма: загремела — заввенела, бродят — подходят, встают—несут, стирая—бросая, взгромоздив—взвалив и так далее. Это так называемые глагольные рифмы. Писать стихи, пользуясь такими рифмами, не трудно. Но они почти не бывают звонкими и музыкальными. Злоупотреблять ими не стоит.

Стихи у Алексеева гладкие, но это не очень большое достоинство; может быть, даже недостаток. Достоинство же стихотворения в том, чтобы Алексеев сумел увидеть и в стихе довольно убедительно показать коллективный труд в колхозе, труд, который ведет к зажиточной жизни.

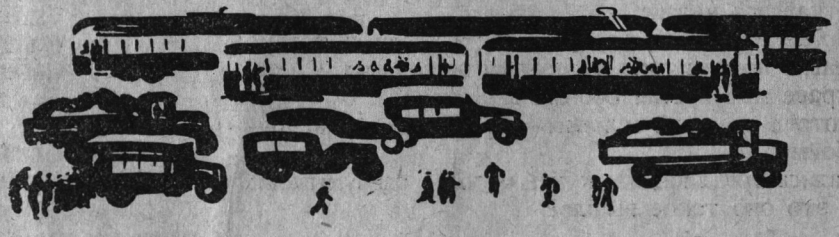
МОЛОТЬБА В КОЛХОЗЕ

Деткор Алексеев

День сегодня — солнечный и яркий,
Ветер стих, но в воздухе не жарко.
Вот проснулись хаты и дворы.
Резко молотилка загремела,
И площадка тока зазвенела
Песнями колхозной детворы.
Лошади по кругу мерно бродят.
Старшие колхозники подходят,
Быстро на места свои встают.
Рожь подвозят парни молодые,
Кучи из снопов растут большие,
Бабы к барабану их несут.
Барабан гремит, снопы стирая,
Хлеба зерна зрелые бросая,
Ворох из соломы взгромоздив!
Здесь девчата тоже не зевают:

Граблями солому отгребают
И уносят, на плечи взвалив.
И не зря работали ребята,
Взрослые колхозники, девчата —
Труд им даст хорошие плоды.
Всякий, кто без устали трудился,
Честно поработал, не ленился,
Сыт всю зиму будет за труды!

УТРО



Деткор Н. Демидов

★

С рассветом проснувшийся ветер
Город туманом облил
Сквозь,
в мраке путаясь, светит
Бледный оконный отблеск.

Зябко дернув плечами,
быстро кто-то протопал,
И, нос в воротник пряча,
скрылся за поворотом.

Кляча, гремя подковой,
плетется, потупив морду...
Тихо на улице голой,
сон не покинул город.

★

Вот разливается, ширясь,
гудков проснувшийся говор.
В улицах вдруг забились,
громче звеня подковы.
Темный завод глотает
все новые толпы рабочих.
А сон, свои путы срывая,
с туманом в низины уходит.
Гулко ревет сирена
проскочившего мимо «форда».
И рука милиционера
легла на рычаг светофора.
С лязгом «бюссинг» огромный
бег свой направил к метро
И снова, землей груженый,
мчится под лаской ветра.
Трамваи, треща звонками,
снуют, грохоча повсюду,
И вдруг за дома убегают
с шумным приветом утру.

УТРО

Когда читаешь первые строки, утренний холодок пробегает по телу. Сон уходит, город пробуждается. С каждой новой строкой врываются в город легкие «форды», тяжелые грузовики; строки становятся звонче и звонче, пока «трамваи, треща звонками, грохоча, за дома убегают с шумным приветствием утру...». Город проснулся.

Это картина московского утра. И по ней видно, что Демидов неплохой наблюдатель и кое-что ему удается показать. Но незрелость его видна почти в каждой строчке. Вот строка: «Сквозь, в мраке путаясь, светит»... Эту строку, не запнувшись на каждом слове, и прочитать трудно, да и понять нелегко.

Кляча у Демидова ПЛЕТЕТСЯ, подкова же у нее ГРЕМИТ; и почему-то одна подкова, а у клячи, даже самой захудалой, все-таки не меньше чем четыре ноги. Мне кажется, что Демидову в его литературном возрасте нельзя себе позволять так пренебрегать рифмой. Ну что это: повсюду — утру, звонками — убегают? Никакого, даже отдаленного созвучия здесь нет.

МОДЕЛЬ

Стихотворение Вольпе «Модель» очень простое. Оно хорошо по теме, близкой каждому школьнику, особенно моделисту.

Просто и безыскусственно Вольпе показывает на случае с моделью пионерскую дружбу, настоящее товарищество, показывает соревнование между друзьями, которое помогает каждому из них двигать вперед общее дело — учиться строить модели, овладевать знанием и техникой.

Стихотворение написано просто, но пока еще очень неумело. Два раза летит у Вольпе модель «с двухэтажной крыши». Он хотел, очевидно, сказать «с двухэтажного дома»; я никогда до Вольпе не слышал о «двухэтажных крышах». «Пару недель» писать нельзя; может быть пара рук, пара крыльев, пара лошадей — таких два существа или предмета, которые бывают или работают по двое, попарно; говорят еще: спаренная езда. Можно сказать несколько недель или две недели.

По ритму стиха у Вольпе читается: «принялся за дело», нужно «принялся».

«И вышла моя модель на него... непохожей». На кого это на него? На Мишку? Очевидно он хотел сказать: «на его модель».

«Было бы лучше, чтоб ты решил» — неправильно, нужно: «Если б ты решил», да кроме того эта строка корявая и нескладная. Нескладно получается еще «С тех пор раз в декаду, после школы». Надо прислушаться к тому, как стихи звучат. В стихотворении Вольпе мало музыкальности. Ему надо больше СЛУШАТЬ стихи.

Модель

Деткор И. Вольпе

«Я ее строил пару недель»—
Сказал мой товарищ Миша.
И я увидел, как он модель
Пустил с двухэтажной крыши.
Модель быстро рванулась вперед,
Подхваченная ветром.
Мы измеряли ее полет—
Ровно пятнадцать метров.
В этот же день, домой придя,
Я сразу принялся за дело.
Хотел, чтобы модель у меня
Мишкиной лучше летела.
Но я о моделях не знал ничего
И редко их видел тоже.
И вышла моя модель на него
Совсем и совсем непохожей.
Мишку вид ее рассмешил:
— Да крылья же тут не на месте;
Было бы лучше, чтоб ты решил
Работать со мною вместе.
С тех пор раз в декаду после школы
Прямо с книжками в ранце
Я, отбивая очень скоро,
Иду к технической станции.
Теперь мои знания стали выше:
Я делал такие модели,
Которые с двухэтажной крыши
По двадцать метров летели.

СКАЖИ, ЗЕМЛЯ!

Деткор Саховалер

Скажи, земля, во тьме веков
Видала ль ты большевиков?

С железной волею людей,
И вместо глаз — пару огней,
В сердцах горящие костры
Заведены на все пары.

Готовые на смерть и казнь,
Им не пристала ведь боязнь.
В деревне, шахте, на войне,
Заводе, фабрике, борьбе
Всегда хранят свой партбилет.
Им двадцать иль полсотни лет.

Скажи, земля, во тьме веков
Видала ль ты большевиков?

* * *

Встает заря, и горн играет,
Во всем Союзе подымает
Миллионы, тысячи людей.
Кругом кипящей стройки звуки,
Снуют мозолистые руки
Вокруг машин, вокруг станков
И в недрах старых рудников,
Где некогда кандальный звон
Звенел. Но это уже сон.
Давно канули в вечность звуки,
Как свист нагайки, звон цепей,
Давно окончились все муки,
Что было стоном прошлых дней.
«Угля, угля, угля!»—гудят заводы,
«Угля, угля, угля!—ревет страна,—
Угля давайте!» Пароходы
Гудят: «Давай, давай угля».
Ударники, ударники, ударники,
Соцобязательства и соцдоговора.
Мы, страны молодой пожарники,
Заливаем потоками угля.

СКАЖИ, ЗЕМЛЯ!

Саховалер увлекается громкими словами. Он хочет показать большевика, бойца за дело рабочего класса. У них железная воля, это верно. У них не глаза — огни. Согласимся с этим. «В сердцах горящие костры» — начинает казаться, что Саховалер увлекается. Человек получается железный, а в середине огонь. «Заведены на все пары» — тут уже бессмыслица. Костры не могут быть заведены ни на какие пары. Это получилось потому, что Саховалер не соблюдает художественной меры и доводит сравнения до бессмыслицы.

Саховалер еще не умеет распоряжаться словами, не умеет еще их ценить. Он хочет сказать, что большевик никогда не расстается с партбилетом, и валит в одно: «В деревне, шахте, на войне, заводе, фабрике, борьбе». Получается, что на заводе и фабрике он занят не борьбой, а чем-то другим, а борьбой он занимается отдельно.

Второй отрывочек его лучше. В нем очень бодрый ритм. Он хорошо описал, как мозолистые руки строят социализм там, где раньше звенел кандальный звон. А строки, где гудят заводы, требуя угля, совсем неплохи. Последние же четыре строки опять пустая и мало осмысленная декламация.

УЧЕБНИКИ ТОВАРИЩА ДРЕМИНА

Вот наконец и проза. Это фельетон. Редакция получает очень много стихов, но мало очерков и фельетонов. Фельетон, бьющий по недостаткам школьной жизни, высмеивающий лодырей и хулиганов, — это прекрасное литературное оружие. Ребята, к сожалению, мало им пользуются.

Фельетон Быховского — это слабое произведение, но в нем есть два-три хороших места по наблюдению и выдумке. У нас немало Дреминых, которые надписями на учебниках производят себя в великие писатели. Это мелочь, но характерная, и Быховский удачно ее ухватил.

Он оживил учебники и отправил их к наркому, — это тоже удачно. Но... учебники в своих жалобах наркому повторяют уже сказанное прежде. Это плохо. Фельетон растягивается, теряет остроту, плохо жалит.

Это первый фельетон Быховского; ему бы нужно больше наблюдать жизнь своей школы и строить фельетоны на живых фактах. В фельетоне конечно можно и нужно присочинить, но лучше, если в основе его лежит действительное происшествие.

Я хотел еще рассказать о литбригаде «Пионера». Да, видите вот, нехватает места. В следующий раз расскажу подробней.

Пишите, ребята!

Привет!

Б. ИВАНТЕР

УЧЕБНИКИ ТОВАРИЩА ДРЕМИНА

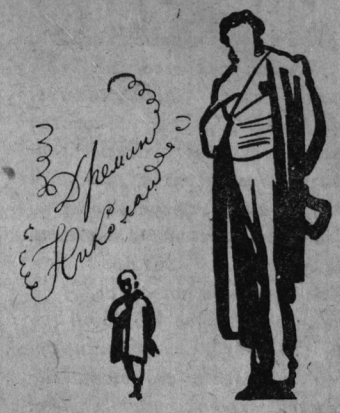
Деткор Л. Быховский

Когда кончились шесть уроков, в класс пришли групповод и председатель хозяйственного маршрута учкома. Выдавали учебники.

Спрятав их в портфель, Дремин отправился домой. Дома Дремин показал учебники отцу. Отец сказал ему, что учебники нужно беречь. Но наш герой не послушал, и на следующий день на обоих учебниках красовалась надпись: «Учебник по физике Дремина Николая». На втором: «Учебник по литературе великого писателя Дремина Николая».

Когда часы пробили половину второго, Дремин пошел в школу. Первый урок был физика, второй—литература и русский язык. На физиде Дремин полурока проспал и полурока пускал голубей и кидался скорлупой от орехов. Когда его спросил педагог, он ответил, что не слышал вопроса. Педагог повторил вопрос, но так как Дремин почти весь урок бузотерил, ответить на заданный вопрос он не смог, вследствие чего получил «неуд». Разозлившись, он пустил промакашкой, вымазанной в чернилах, в соседа. Промакашка уселась соседу на тетрадь. Сосед об этом происшествии сообщил учителю, и Дремин оказался за дверьми класса.

На следующем уроке группа прорабатывала по книгам стихотворение Пушкина «Деревня», Дремин был не согласен с классом, что это Пушкин написал такое стихотворение, и, зачеркнув фамилию Пушкин, написал: «*Дремин. — Стихотворение «Деревня»*», после чего стал заниматься пусканием голубей и снятием замазки с только что замазанных окон. Пока он занимался, по его выражению, «обыкновенными вещами», его учебники совещались, кому пожаловаться на Дремина, а если можно, то уйти от него. Решили итти к народному комиссару просвещения т. Бубнову. На перемене оба учебника выпрыгнули из портфеля и отправились к т. Бубнову.



Учебники у наркома

Войдя в кабинет наркома, они стали, перебивая друг друга, излагать наркому свои жалобы и просьбы. Нарком их успокоил, и они начали рассказывать по порядку. Первой заговорила физика Фалеева и Перышкина.

— Родилась я в первой образцовой типографии ОГИЗ. Из типографии меня привезли в Ленинград, в одну из школ Володарского района. Там я попала в руки очень плохого ученика, дезорганизатора Дремина. Он вместо учебы на уроках спит или пускает голубей в учителя. На моем переплете он написал: «Учебник по физике Дремина Николая». Хотя есть штемпель, на котором нужно написать фамилию и с какого числа пользуется учебником, он же написал на переплете. Я не хочу, чтобы он по мне учился, все равно он не учится, а только лодыря гоняет.

Физика кончила, за ней выступила хрестоматия по литературе.

— Я, — сказала хрестоматия, — знакомлю школьников с литературой: с Пушкиным, с Лермонтовым и другими писателями. Когда я попала в руки Дремину, то думала, что он будет хранить меня, как зеницу ока, обернет в бумагу. Но мои мечты не сбылись, и Дремин оказался плохим учеником и дезорганизатором. На моем титульном листе он написал: «Учебник по литературе великого писателя Дремина Николая». На 90-й странице, где напечатано стихотворение Пушкина «Деревня», он зачеркнул Пушкина и написал свою фамилию. Очень прошу вас, т. Бубнов, чтобы я больше не возвращалась к Дремину.

Вот что сказал т. Бубнов:

— Вас направят в другую школу. А с Дреминым я поговорю отдельно. Пусть поживет без вас, если не понимает что вы, стабильные учебники—общественная собственность, а общественная собственность священна и неприкосновенна.

ПУТЬ СЕН КАТАЯМЫ

Лев Рубинштейн и Бор. Окунев

Крепостной князей Токугава

Только в 18 лет Сен Катаяма узнал, что земля круглая.

— В центре земли находится счастливая страна цветущего риса. Поверхность земли плоская. Индия расположена на очень высоком месте, совсем близко к солнцу, и потому там очень жарко. Солнце каждый день ходит с востока на запад, а потому ему ежедневно требуется по три пары железных «варадзи» (крестьянская обувь). Во внутренности земли находится громадный кит. Когда подземный огонь начинает потухать, кит ворочается, и от этого происходит землетрясение. Фазан кричит, чтоб известить кита. Это значит—подземный огонь потухает.

— А откуда взялась страна цветущего риса?

— Боги создали. Они послали сына солнца управлять ею. Раз он бог, значит он бессмертен.

— Значит он правит нами?

— Правит. Это и есть император. Он бог.

Был праздник О-Бон. По реке плыли вереницами лодочки с промасленными матовыми фонарями. Лето приближалось к сбору урожая. Это праздник жатвы. В деревне пели и плясали— это веселый праздник простонародья.

— Я хотел бы увидеть императора...

— Тише, дурень! Разве бога можно увидеть? Он управляет нами через сиогуна[1].

— А сиогун?

— Сиогун правит нами через первого министра.

— А первый министр?

— Он правит нами через князей.

— А князья?

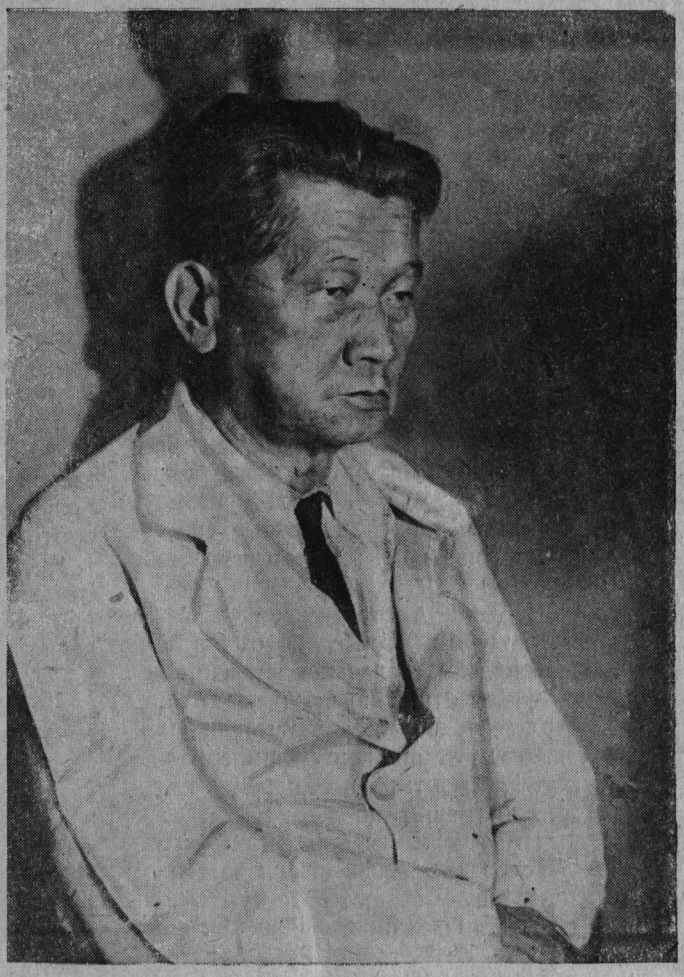
— Они правят нами при помощи самураев (дружинников).

— Что же делает император?

— Ничего. Он бог!

— А крестьяне? Кем они правят?

— Какой любопытный! Они не правят никем, они несут князьям половину урожая.



— И все?

— Все. Разве тебе это не нравится?

— Нет. Я хотел бы лучше быть самураем.

— Тише, дурак! Этого не может быть. Ты крестьянин и умрешь на этой земле. Это счастливая земля цветущего риса.

★

Дедушка маленького Сен Катаямы был умный человек, но на этот раз он ошибся. Его внук родился крепостным крестьянином князей Токугава в 1859 г. в феодальной Японии, а умер он членом Исполкома Коминтерна в 1933 г., в Союзе советских социалистических республик.

Глухая деревушка Хадегимура с трепетом ждала сбора урожая. Этот знаменитый день начался с того, что за околицей появилось облако пыли: ехали трое богато разукрашенных конников. За ними двигался целый отряд с пиками, в латах и усатых шлемах.

— На колени, — кричал глашатай,— на колени!

Крестьяне бросались на землю и тыкались лбами в пыль.

— Почтение чиновнику князя! Начинается сбор!

Маленький Катаяма рвался на улицу. Ему хотелось посмотреть на диковинных всадников, словно сошедших со страниц волшебных сказок. Но мать крепко держала его за руку.

— Великий Будда Амида! Если ты перебежишь дорогу самураю, ты погиб!

— Почему, мать?

— Таких казнят! Тише, дурак!

Со всех сторон согнутые фигуры тащили мешки с рисом. Чиновник откладывал костяшки на счетах и записывал фамилии.

— Следующий! Следующий! Врешь, с тебя полагается еще дважды столько! За сокрытие риса бьют бамбуками! Не задерживайся — можешь жаловаться милости сиогуна. Следующий.

★

Неурожай — страшное слово. В пору цветения риса случился смерч. Темный крутящийся столб несся по рисовым полям, увлекая за собой воду и драгоценную рассаду. Рис не расцвел, поля были разворошены. Снова наступило время сбора урожая, но урожая не было.

Князей тоже не было. Вместо них был помещик Кагами, ростовщик, богач и заводчик. Ему не нужны были связки риса, ему нужны были деньги — арендная плата. Его управляющий раз'езжал по деревням на легком европейском шарабане, украшенный массивной золотой цепочкой от часов.

[1] Сиогуны—военно-феодальные диктаторы, правившие Японией до 1818 г.

— Денег нет, — кричал он,—нет и земли! Пусть будет справедливость! Кто не может платить, пусть убирается на все четыре стороны! Нынче новые времена. Каждый за себя. Господин Кагами не хочет разоряться из-за вас, олухи.

И тогда в деревнях по-старинному ударили в гонг. Платить было нечем. Шесть уездов губернии Ходайо восстали против помещиков.

Утром младший Катаяма видел вооруженные топорами и бамбуковыми пиками возбужденные толпы. К вечеру над горой появилось зарево. Горела усадьба помещика Кагами.

— Нам не нужно новых законов, — говорили крестьяне, — нам все равно страдать. Лучше будем страдать по-старому.

Новое впрочем не очень сильно отличалось от старого. «Свобода» все не приходила, она медлила. Вместо нее в деревню Хадегимура пришли войска — не самураи, новые императорские войска с европейскими ружьями.

Бамбуковая палка плохо действует против меча. Но против европейского ружья она совсем бессильна. На утро, после прихода солдат, младший Катаяма увидел за околицей пятнадцать шестов, на которых торчали мертвые головы.

«Эти люди, — было написано внизу, — восстали против императорского правительства и благ свободы. Да будет их судьба предостережением для других».

До 20 лет Сен Катаяма ходил по рисовым полям с мотыгой, испытав всю горькую долю японского крестьянина.

На поиски счастья

Спасаясь от нужды, Катаяма, по стопам сотен своих деревенских братьев, бросает деревню и отправляется в город искать счастья. Но и в городе он не доискался лучшей жизни. Месяцами он вертит вручную тяжелое колесо типографской машины. Рядом с ним с заунывным пением покачиваются товарищи. Японские типографии того времени не имели моторов. Все свое жалованье он отдавал за квартиру, а на еду зарабатывал добавочным ночным трудом.

В поисках работы Катаяма решился наконец покинуть родину. В числе первых японских эмигрантов, перебравшихся на заработки в «страну белых варваров», он в 1885 г. вступил на американскую почву.

Здесь он работает на должностях, которые в Америке называются «японскими»: он служит поваром, батраком на фермах, кухонным рабочим и т. д. В 90-х годах он возвратился из кипящего котла американских городов к приземистым деревянным баракам фабричных общежитий родной страны.

В 1900 году мы видим его во главе первой большой забастовки в Японии — на железнодорожной линии Токио — Омари.

„Маленький японец"

В 1904 году, в разгар русско-японской войны, в большом концертном зале г. Амстердама, за столом президиума конгресса II интернационала сидит сухопарый маленький японец — представитель японских рабочих, Сен Катаяма.

Зал тонет в цветах. Над столом президиума покачивается большой красный плакат с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Говорит председатель конгресса, голландец Ван-Коль.

— Особенно я приветствую представителей японской и русской социал-демократии, которые имели мужество показать международную солидарность пролетариата, в то время как выпущенные на волю фурии войны опустошают обе страны.

В дни Амстердамского с'езда Манчжурия сотрясается от орудийной пальбы. Маленькие японские пехотинцы отчаянно штурмуют Порт-Артур и своими телами прокладывают путь японскому империализму. Его противник — царская империя — трещит по всем швам.

В этот момент на конгрессе в Амстердаме два человека за столом президиума встают. Это русский социалист Плеханов и японский социалист Сен Катаяма. Руки их соединяются в дружеском рукопожатии.

В зале бешеные рукоплескания. Аплодируют социалисты Англии, Германии, Франции, Италии, Индии.

В первом ряду все «генералы» европейской социал-демократии. Вандервельде, сложив руки на округлом животе, снисходительно беседует с молодым германским делегатом.

— Кто этот маленький японец?— спрашивает у соседа Вандервельде.

— Сен Катаяма.

— Сен Катаяма? Не знаю... Маленькая страна, маленький народ... «Маститые» руководители конгресса — Адлер, Бернштейн, Каутский, Вандервельде и сам Плеханов, пожимавший руку Сен Катаямы, — впоследствии оказались в лагере врагов рабочего класса.

А «маленький японец» не отступил ни на шаг от дела революции и, так же как участница конгресса Клара Цеткин, умер на своем посту в социалистической Москве.

Несокрушимый боец

В 1912 году за руководство грандиозной стачкой трамвайщиков в Токио Сен Катаяма получает год каторги и надевает арестантский халат.

В каторжной тюрьме на о. Хоккайдо, тонущем в снегах северной зимы, Сен Катаяма провел один из самых тяжелых годов своей жизни. Сразу же после освобождения он снова бросился в самую гущу классовой схватки. Уже через несколько месяцев настойчивые преследования полиции заставили его снова уехать в Америку.

Началась Октябрьская революция. В 1919 году, в разгар интервенции, когда японские и американские войска стояли на Дальнем Востоке, Сен Катаяма организовал в Америке первую коммунистическую японскую группу. Таким образом он является одним из первых организаторов компартии Японии.

В 1932 году в том же самом зале, где он когда-то пожал руку Плеханову, он снова выступил и снова против подготовки войны.

Японские империалисты опять наступают в Манчжурии. Покушения империалистов прямо и косвенно направлены на Советский союз.

Появление седого, маленького, сухощавого японца на трибуне встречается бурными аплодисментами и пением «Интернационала».

Состав конгресса уже не тот, какой был в 1904 году. В президиуме сидят Барбюс и Мюнценберг. «Генералы» социал-демократии давно уже успокоились на своих министерских креслах. Из «стариков» здесь только одна Клара Цеткин.

«Про себя могу сказать, — говорит Сен Катаяма, — что сдержал свою торжественную клятву, данную мной в Амстердаме 28 лет назад на конгрессе II интернационала: *бороться за международную пролетарскую солидарность*. Снова я стою здесь, чтобы призывать к борьбе против японского империализма. Я призываю пролетариат и трудящиеся слои всех стран дать на этом конгрессе такую же клятву».

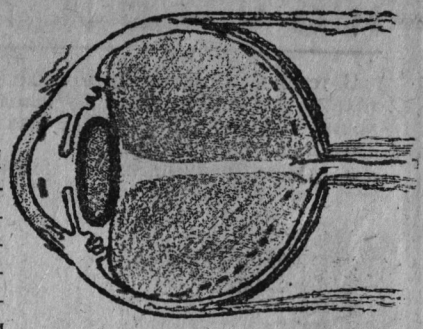
Через год Сен Катаяма скончался. Его последние слова были: «Мы должны бороться... бороться... против социал-фашизма... против ренегатов и предателей...»

В одиннадцати тысячах километров к востоку от Москвы японские рабочие снимают шапки, узнав о смерти своего вождя.

ВООРУЖЕННЫЙ ГЛАЗ

П. Лопатин

Рис. М. Аскинази



Много сказок занимательных и чудесных ходило раньше по земле: о водяном и о русалке, о злых и хитрых чертенятах, о картинах, нарисованных богом на луне, о бородатых карликах, о палочке-стукалочке, о волшебном зеркале, о сглазе, наговоре и нечистой силе.

Многие сказки использовали попы всех религий для того, чтобы связать человека, заставить его бояться таинственных сил и подчиняться церкви и имущим классам. Уже тогда, когда люди переставали верить в старые сказки о лешех и водяных, мрачные поповские легенды о загробных мучениях для грешников, неповинующихся церкви, имели над ними большую власть.

Ходили поповские рассказы по земле, и люди верили им, потому что они не умели смотреть.

Но человек любопытен. Ему хотелось всюду заглянуть, все увидеть. И он изобрел помощников своему глазу: громадные трубы с огромными зеркалами, маленькие ящики, крошечные стеклышки и хитрые, замысловатые приборы. И вместе со своими помощниками человеческий глаз стал зорким и острым. Он наблюдает теперь жизнь бактерий, хотя они в миллионы раз меньше миллиметра. Он может заглянуть на луну и внутрь стального рельса. Он видит под водой, под землей и внутри самого себя. Он даже научился оставлять свой глаз в любом месте, и оставленный глаз прекрасно видит все, что требует его хозяин.

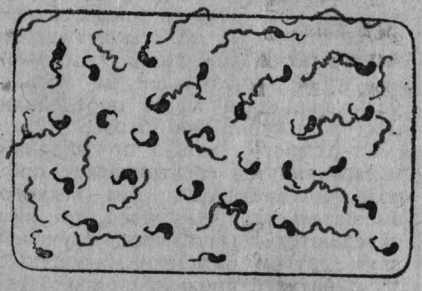
Магический глаз Антония Левенгука

Это было 250 лет тому назад. Туманными, дождливыми вечерами к небольшому дому у Лейстер-сквера в Лондоне тайком подходили люди, плотно закутанные в плащи. Условным стуком они давали знать о себе, и привратник пропускал их внутрь. Это были члены английской «Незримой академии» — тогдашние английские ученые, которые не желали слепо верить монахам, епископам и папе. «Мы поверим только тому,— говорили они,—что увидим собственными глазами». И смешные опыты проделывали иногда «незримые академики».

Монахи говорили: «Посади паука в круг, сделанный из растертого в порошок рога носорога, и пауку не удастся вылезть». Ученые приносили растертый в порошок рог носорога и маленького паучка, посаженного в банку. Они производили опыт и потом с гордостью записывали в свой дневник: «Монахи солгали: был сделан круг из порошка рога носорога, в середину был посажен паук, но он тотчас же убежал».

Одну за другой разбивали «незримые академики» монашеские басни. Но один опыт им долго не удавался. Монахи уверяли: «На острие простой иголки могут поместиться пять чертей». Другие монахи спорили с ними: «Неправда. Чорт хитер и мал. На иголочном острие усядутся по крайней мере 10 тысяч чертей». И те и другие приводили сложные доказательства из священного писания.

«Незримые академики» решили сами проверить монахов. Высоко подняв свечи, они пристально смотрели на острие иголки. Но чертей на игле не было. И в дневниках «Незримой академии» ученые записали: «Спор о чертях на иголочном острие пока не разрешили: слишком слаб еще глаз человека».



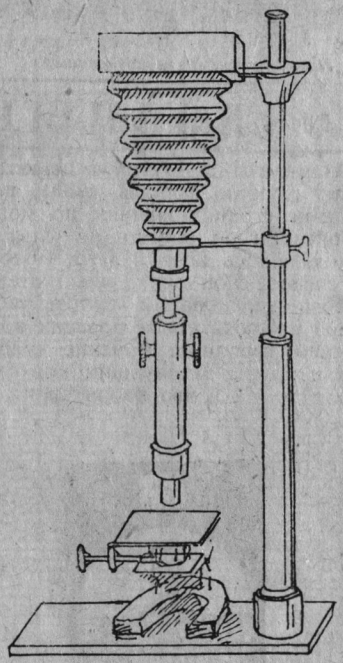
Возбудители холеры и возвратного тифа под микроскопом

Вскоре было получено известие, что привратник городской ратуши в маленьком голландском городке Дельфте по имени Антоний Левенгук изобрел «магический глаз». Он смотрит на муху, и она кажется ему величиной со слона. Тонкий волос похож на бревно. А в капле воды он увидел какие-то крошечные живые существа. Самое маленькое из них в тысячу раз меньше глаза взрослой вши.

Пользуясь «магическим глазом» Левенгука, академики познакомились с этими странными животными. На грязном острие иголки их помещалось, пожалуй, больше, чем живет англичан в их старом Лондоне. Правда, эти маленькие существа непохожи на монашеских чертей. Но кто знает, может быть, черти выглядят именно так?.. «Незримая академия» была смущена.

Прошли десятилетия. Люди усовершенствовали микроскоп. Теперь человек может измерить даже толщину пленки мыльного пузыря, хотя она в 4 миллиона раз тоньше миллиметра. Он без труда считает бактерии в кубическом сантиметре воды, хотя число их иногда доходит до 200 тысяч: крошечная бактерия вырастает под микроскопом до величины серебряного гривенника. И, пользуясь микроскопом, он умеет теперь бороться с вредными бактериями и разводить полезные.

Потом человек соединил микроскоп с фотографическим аппаратом. Лаборанты фотографируют ими острие иголки, срезы рельса, поверхность стальных инструментов и по этим фотографиям изучают крошечные кристаллики, из которых состоят металлы: по их расположению они определяют качество и прочность металлических изделий.



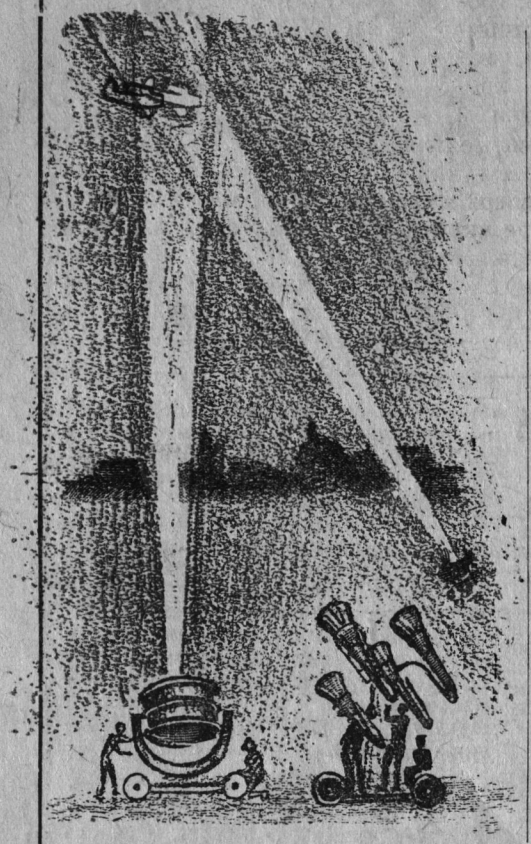
Микроскоп, соединенный с фотоаппаратом

Наконец человек соединил микроскоп с киноаппаратом, и теперь на громадном экране можно увидеть замечательную картину — жизнь в капельке человеческой крови.

НОЧНОЙ ГЛАЗ

В темную, безлунную ночь видят только кошка и филин. Человек ходит ощупью. Его глаз не различает даже пня под ногами.

В такие черные ночи неприятельский бомбовоз нападает на город. Он летит без огней, и только маленькая затемненная лампочка освещает карту и приборы.



Прожекторы и звукоуловители

Летчик спокоен. Кто заметит темной ночью маленькую точку на небе, когда даже ярким солнечным днем трудно следить за ней на высоте сотен метров.

Город уже близок. Вдали ясно видно зарево его электрических огней. Летчик идет на снижение: надо готовиться к атаке.

Неожиданно внизу, в темном овраге вспыхивает еле заметный красный огонек. При его свете смутно видны силуэты каких-то странных, необычайных приборов. Это батарея слухачей: их слух более чуток, чем слух человека. Гораздо раньше дежурного они услыхали шум аэропланного мотора и зажгли тревожную красную лампочку: неприятель близок!

Дежурный тотчас же дает знать в город, и через 2—3 минуты уже ревут, заливаясь, тревожные гудки и гаснут фонари на улицах, площадях, в окнах домов. Вокруг — снова непроницаемая тьма осенней ночи, и только попрежнему горит красная лампочка и вспыхивают яркие цифры на маленьком черном экране перед дежурным. Эти сложные приборы слухачей не только услыхали, но и точно определили местоположение бомбовоза.

От темного экрана по склонам оврага тянутся электрические провода. Автоматически, без всякого вмешательства дежурного, по ним передаются вычисления слухачей двум другим батареям на опушке леса: батарее прожекторов и батарее зенитных орудий. И батареи оживают: орудия медленно поворачивают свои дула к невидимой точке на небе, а прожекторы прицеливаются в нее своими темными стеклами.

Летчик понял: город неожиданно потух, значит его заметили. Он резко меняет направление. Но от этого меняются только показания слухачей на черном экране, и дула орудий и стекла прожекторов послушно меняют свой прицел.

Бомбовоз взмывает кверху. Тогда дежурный нажимает первую кнопку, и ярко вспыхивают лучи прожекторов. Сила их света равна сотням тысяч наших электрических ламп. Они легко прорезают ночную тьму и скрещивают свои лучи на теле самолета. Теперь бомбовоз — единственная освещенная точка на темном небе. Прожекторы слепят глаза летчика. Он уже знает, что атака не удалась. Надо спасаться. Он делает резкие повороты, то стремительно падая вниз, то также неожиданно взлетая кверху. Он хочет во что бы то ни стало вырваться из ярких лучей. Но послушные приказаниям слухачей электрические глаза неотступно следят за ним.

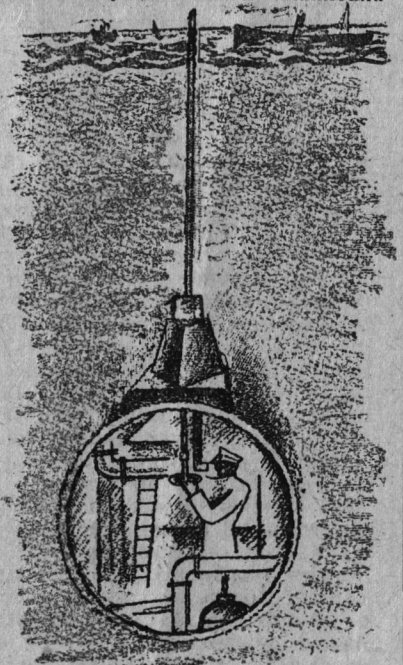
Тогда летчик поворачивает обратно: надо отступать. Дежурный нажимает вторую кнопку, и батарея зенитных орудий дает залп. Видно, как рвутся снаряды у крыльев самолета, и, смертельно раненый, он камнем летит вниз. Лучи прожектора неотступно провожают его до земли. Потом, минуту пошарив на темном небе, они тухнут. Сквозь тьму осенней ночи они дали возможность человеку видеть на сотни метров. Теперь они кончили свою работу и потухли. И только слухачи попрежнему чутко прислушиваются к ночным шумам.

ПОДВОДНЫЙ ГЛАЗ

Знаменитый «Наутилус» капитана Немо глух и слеп. В своих подводных странствованиях по морям и океанам он ничего не слышал, что делалось вокруг него. И только через свои зеркальные стекла, сквозь зеленоватый сумрак воды Немо наблюдал леса морских водорослей, страшные морские чудовища и трупы затонувших кораблей. Но видеть то, что творится на поверхности океана, он был бессилен; для этого приходилось подниматься, отвинчивать люки и вылезать на верхнюю палубу.

Так выглядит корабль в перископе подводной лодки

Капитан теперешней подводной лодки могущественнее капитана Немо: его бронированная сигара и слышит и видит. Маленький приборчик, похожий на очень чувствительный телефон, чутко слышит шум машины приближающегося судна и даже предупреждает капитана о подводной скале и громаде ледяного айсберга. А когда капитану надо увидеть, что делается на поверхности, он выставляет свой «подводный глаз».



Наблюдение в перископ за поверхностью моря

Эта узкая длинная труба — перископ. Его верхний конец, высунувшись наружу, загибается под прямым углом. В трубе находится стеклянная линза, похожая на линзу микроскопа. И если вдали маячит неприятельское судно, линза бросает его увеличенное изображение на расположенное позади нее наклонное зеркало. Зеркало посылает изображение вниз по трубе перископа. Изображение проходит еще раз через увеличительную линзу. Второе зеркало опять меняет его направление. Снова увеличительная линза. И только после этого изображение попадает в глаз капитана. И капитан видит неприятельское судно в увеличенном виде, а судно и не подозревает, что за ним зорко наблюдает подводный глаз: конец тонкого перископа трудно различить даже на расстоянии 10 шагов.

МОЖНО ЛИ ЗАГЛЯНУТЬ ВНУТРЬ САМОГО СЕБЯ

„Изгнание беса" по старинной картинке

Болезнь—это «сглаз». Посмотрел человек с дурным глазом и напустил хворь. От этого вселилась в больного нечистая сила. Ее прогнать могут только пост и молитва, заговор опытного человека и святая вода, спрыснутая с уголька.

Так думали в старину.

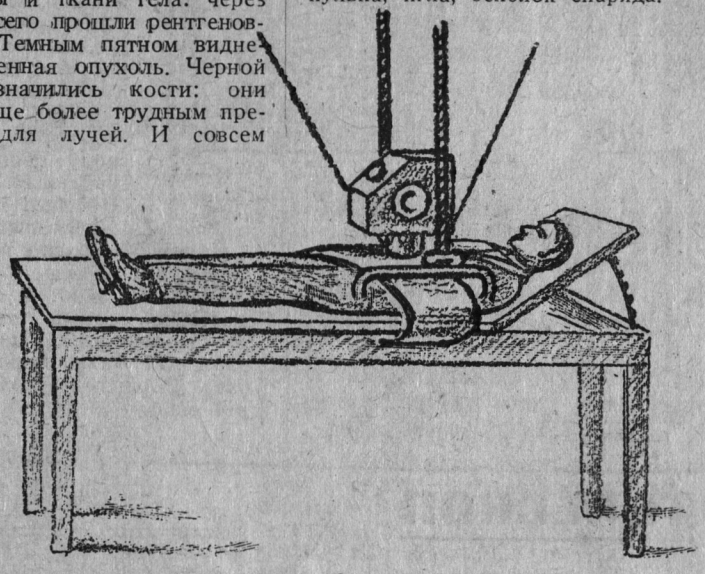
Появился микроскоп. Ученые узнали, что не дурной глаз, а крошечные бактерии являются причиной заразных болезней. Человек научился бороться с ними и побеждать их. Но лечить попрежнему трудно: доктор не умеет еще заглядывать в человеческое тело, не разрезая его.

Наконец лет сорок тому назад ученые изобретают глаз, который прекрасно видит, что творится внутри человеческого тела. Это особые лучи, найденные Рентгеном в 1896 г. Они невидимы, но они проникают через предметы, не прозрачные для обыкновенных световых лучей. И они дают возможность фотографировать любой уголок внутри нашего тела.

Это не обычная фотография. Еле заметным серым фоном видны на ней мускулы и ткани тела: через них легче всего прошли рентгеновские лучи. Темным пятном виднеется болезненная опухоль. Черной тенью обозначились кости: они оказались еще более трудным препятствием для лучей. И совсем

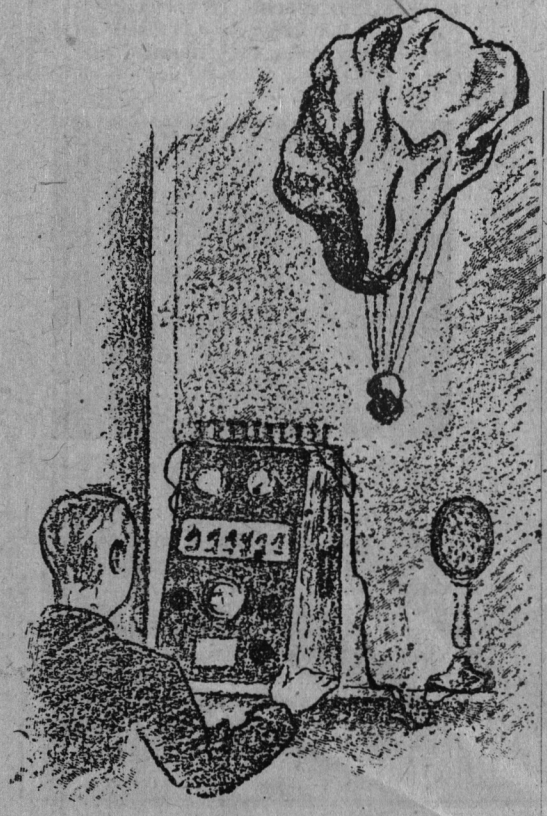
Рука, просвеченная рентгеном. Металлическая пластинка, подложенная под руку, не просвечивает

черным пятном темнеют металлические части, застрявшие в теле: пулька, игла, осколок снаряда.



Больной под лучами рентгена

ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ

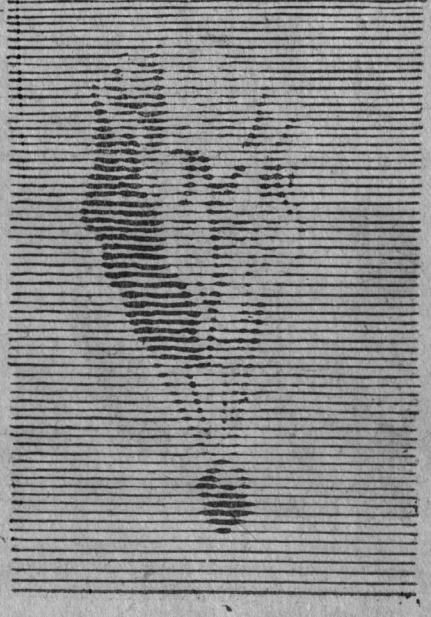


Телевизор снимает под'ем стратостата

Есть старая сказка о волшебном зеркальце. Кто имеет его, тот все знает о любимом человеке, где бы он ни был.

Долго несбыточной сказкой казалось это волшебное зеркальце. Разве можно сидеть в Москве и видеть то, что делается в этот момент в Нью-Йорке, в Африке, в Китае, на Ледовитом океане? Никогда, казалось, не придумать человеку такого всевидящего глаза. Но человек все-таки придумал «волшебное зеркальце» и назвал свое изобретение телевизор. Теперь в Москве может происходить парад на Красной площади, и в тот же момент картину этого парада можно видеть в любом уголке земного шара. Для этого надо всего лишь, чтобы на Красной площади стоял передатчик, а на полюсе, в Африке, в Америке — приемные аппараты.

Весь смысл работы этого замечательного прибора состоит в том, чтобы каждый маленький кусочек передаваемой картины превратить в электрические сигналы, передать их по радиоприемнику и здесь электрические сигналы превратить снова в картину.



Переданное телевизором изображение стратостата

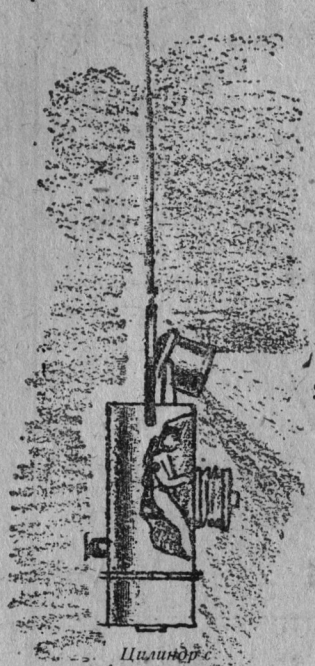
ФОТОГРАФ ПОД ВОДОЙ

В лесу живут лешие. В старом доме—домовые. А в воде—русалки, водяные и страшные, большие зубастые змеи—драконы. Лунной ночью русалки резвятся на поверхности, а водяной, обросший тиной и водорослями, сидит на дне в своем подводном дворце и чинит суд и расправу над рыбьим царством. Иногда он пускается в пляс, и тогда высокие волны с белыми гребнями ходят по морю.

Так еще недавно рассказывали бабушки в долгие зимние вечера. Но бабушки сами никогда не бывали на дне морском и поэтому часто путались в своих рассказах. Водолазы тоже редко спускались под воду. А если и спускались, то всегда поодиночке и могли только рассказывать о подводной жизни, но показать ничего не могли. И поэтому одни верили бабушкам, а другие — водолазам.

Подводные чудовища по старинной картинке

В 1915 г. человек первый раз спустил под воду свой большущий наблюдательный глаз. Это был вместительный металлический цилиндр. В нем прекрасно помещался человек. В цилиндре было широкое зеркальное окно. В окно человек выставил особый киноаппарат. И этот подводный глаз внимательно наблюдал жизнь морского дна при свете сущенных в воду прожекторов мощностью в 20 тысяч свечей.



Цилиндр с фотокамерой под водой

Конечно никакого водяного киноаппарат не увидел. Но он нашел там громадные коралловые постройки, колыхающийся лес водорослей и мох на подводных скалах. Он видел сотни видов морских жителей, начиная от акулы и кончая светящимися рыбами. Они были единственными подводными фонарями на морском дне, но сами были слепы и отыскивали пищу щупальцами. Он нашел там жизнь такую же интересную и разнообразную, какую он видел на поверхности земли. Он снял эту жизнь на пленку и потом показал на экране сотням тысяч людей свои первые правдивые наблюдения под водой.

Так научился человеческий глаз видеть и фотографировать жизнь морского дна.

Глубоководные светящиеся рыбы, которых увидел фотоглаз

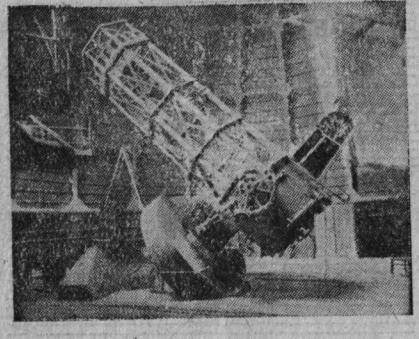
ТЕЛЕСКОП

У Адама и Евы было два сына: Авель и Каин. Авель был добрый и пас стада. Каин был злой и завидовал кроткому Авелю. И когда однажды братья приносили жертву богу, дым от костра Авеля шел столбом кверху: его жертва была угодна господу. Дым же от костра Каина стелился по земле: бог не пожелал принять его жертвы. Рассердился Каин и убил Авеля. Тогда бог проклял убийцу и, чтобы люди всегда помнили это страшное злодеяние, повелел навеки вечные отпечататься картине убийства на поверхности луны.

Так рассказывали попы, и под влиянием их рассказов многие действительно видели на луне фигуру Авеля, распростертую у костра, и злого Каина, убегающего прочь. Эта сказка рухнула, когда люди придумали телескоп.

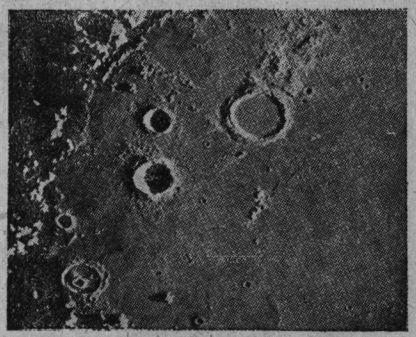
Эту картину видели на луне предки

Телескоп — это громадная подзорная труба высотою в несколько этажей. Для нее строят специальное здание и пробивают большую дыру в крыше, чтобы она могла выглянуть наружу. Внутри нее расположены зеркала, весом в 4½ тонны и 3 метра в поперечнике. Ею управляет сложный часовой механизм. Ее поворачивают мощные электрические моторы. И вся она весит больше 100 тонн (около 6 тыс. пудов).



Один из самых мощных телескопов в мире на американской обсерватории

Этот небесный глаз прекрасно видит луну, хотя ее отделяют от земли 384.400 км. Он свободно различает на ней предметы, величиной в 300 метров. Но он не видит на луне ни Каина, ни Авеля. Зато на своих фотографических пластинках (телескоп прекрасно фотографирует и луну, и солнце, и планеты) он заснял замечательные лунные виды.



Это увидел телескоп

Громадные черные цепи. Высочайшая лунная вершина поднимается на 8 км. Огромные безводные лунные «моря» лежат на 2.500 метров ниже среднего лунного уровня. 50 тыс. круглых кратеров, кольцеобразных валов и горных цепей, как бы созданных по одному образцу. И ни одной капли воды, ни одной травинки, никаких следов воздуха: мертвый лунный мир.

КРАСНОЕ РОЖДЕСТВО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Ко мне пришла делегация пионеров 25-й образцовой школы в Москве.

— Здравствуйте, доктор Звеновой. Мы явились к вам с просьбой.

— Я слушаю вас.

— Мы вызвали все школы Советского союза на соревнование и просим журнал «Пионер» быть арбитром. А соревнуемся мы на лучшую интернациональную работу. Мы уже и сейчас переписываемся с заграницей и получаем оттуда много писем и журналов. Если вы, доктор Звеновой, зайдете к нам, то можете увидеть карту, от которой протянуты нити к получаемым нами письмам.

Мы решили добиться, чтобы все пионеры были юными друзьями МОПР, устроить не меньше двух интернациональных вечеров и пяти субботников, организовать взаимопомощь по немецкому языку, взять шефство над пионерами какой-либо страны и завязать связь с ребятами интернационального детдома в Иванове, аккуратно собирать интернациональный пятачок. Как вы смотрите, доктор Звеновой, на наши обязательства?

— «Пионер» согласен быть арбитром, я думаю, этим сказано все. Я жду и от других школ и отрядов ответа на ваш вызов, тем более, что сейчас по всему миру проводится «красное рождество политзаключенных», собираются средства, одежда для детей и семей миллионов политзаключенных, томящихся в капиталистических тюрьмах.

Когда читаешь письма из Германии, рассказы товарищей, вырвавшихся из лап штурмовиков, крепко стискиваешь зубы и сжимаешь кулаки.

Прочтите сами эти документы.

Вот открывки из рассказа активного коммуниста Ганса Беймлера, бежавшего из концентрационного лагеря Дахау. Этот лагерь называется «лагерем смерти», потому что там почти ежедневно убивают заключенных.

Я УМРУ ЗА КРАСНУЮ ЗВЕЗДУ

...Был арестован целый ряд комсомольцев из организации г. Футцинг. Они еще не прошли камеры пыток и получили «только» по 10 ударов резиновой дубинкой. Потом одного из них спросили:

— Ты все еще стоишь за коммунизм?

Комсомолец ответил:

— Я был бы очень нестойким в своих убеждениях, если бы я отказался от них из-за 10 ударов дубинки.

Это конечно разозлило коричневых убийц, и они страшно избили товарища. Затем они снова спросили:

— Ты все еще стоишь за коммунизм?

— Если вы даже убьете меня, я умру за Красную звезду!

Тысячи политзаключенных коммунистов, революционных рабочих томятся в тюрьмах фашистской Германии. Политзаключенные страдают под сапогами фашистских штурмовиков. Героическая компартия Германии продолжает бороться за дело рабочего класса

Пишите о том, как вы помогаете детям и семьям политзаключенных, как вы отвечаете на вызов пионеров 25-й школы.

Доктор Н. О. Звеновой.

Вот письмо сына коммунистической депутатки рейхстага 16-летнего Гергардта

«Еще в феврале, когда фашисты пришли к власти, штурмовики искали мою маму. Они хотели ее арестовать как коммунистку. Мы удрали из квартиры, ночевали где попало и однажды узнали, что наша квартира разгромлена. У нас ничего не осталось, даже белья, а денег и работы нет. Я решил пробраться в наш дом и забрать оттуда все, что уцелело. Но я не успел войти в квартиру, меня схватили на улице и повезли в тюрьму.

Там меня били резиновыми палками за то, что я отказался сказать, где моя мама.

Штурмовики показали мне избитых, искалеченных людей.

— Это коммунисты,— сказали они мне.— Мы сделаем таким же и тебя, коммунистическое отродье, если ты не скажешь, где мать.

Но я молчал. Я ведь хочу быть коммунистом.

И когда меня снова принялись бить, я закричал «Рот фронт!» и запел боевую песню «Красный Веддинг».

Что было потом, я не помню. Я потерял сознание, когда меня ударили сапогом по голове.

На четвертый день ко мне в камеру пришел начальник тюрьмы, ударил меня кулаком по подбородку и скомандовал:

— Марш за мной! Ты пойдешь в тюрьму для малолетних преступников и останешься там, пока не скажешь, где твоя мать.

И вот я поехал в тюрьму. Меня везли в карете. Штурмовик был пьян. И я удрал, бросившись из дверцы под ноги лошади. Я бежал, бежал так, что думал сердце выскочит. Я нашел маму. Нас переправили через границу, и мы теперь в Париже. Я хочу готовиться к новым боям за советскую Германию. Рот фронт!».

На месте бывшего Охотного ряда пройдет новая улица—„Проспект Ленина", по ней подойдут демонстрации к мраморным террасам Дворца советов

ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

П. Лопатин

Еще не так давно здесь стояло грузное, нелепое здание храма Христа-спасителя. Как громадная чернильница с блестящей на солнце золотой крышкой купола, высилось оно над Москва-рекой, рядом с Кремлем, у самого сердца столицы.

Против него, на другом берегу, лежало Замоскворечье с кривыми тупичками, с подслеповатыми окнами купеческих особняков, с железными дверями лабазов и грязным и смрадным «Болотом» на берегу протухшей «Канавы».

Похож был храм на гриб, выросший над старой Москвой. И казалось, далеко в землю уходят его корни и питаются соками скупого и жадного Замоскворечья.

Заложили храм давным-давно, больше 100 лет тому назад, в память освобождения «первопрестольной матушки-Москвы» от нашествия Наполеона и его двунадесяти языков. А потом шли десятки лет скандальной и страшной истории его постройки: бесследно исчезали куда-то сотни тысяч рублей, баснословными кутежами удивляли Москву подрядчики и новой неведомой болезнью заболевали рабочие.

Они стояли у горнов, ворочая листы меди и растирая по ним золотистую амальгаму для купола храма. У горнов не было тяги: подрядчики экономили какую-то сотню рублей, и рабочие дышали ядовитыми парами ртути. Медленно и незаметно проникал ртутный яд в организм, и не было лекарств для отравленных.

После работы, в бараках, больные веревками привязывали себя к нарам, чтобы не упасть на пол от судорог. А днем их мучили изнурительные поносы, и распухший язык не помещался во рту.

Когда же много лет спустя в только что открытом храме шла торжественная патриаршая служба, на паперти стояли гнющие заживо люди. А высоко над ними малиновым звоном гудели колокола и сияла своим ядовитым золотом шапка Христа-спасителя.

Действительно, ядовитым, страшным грибом стоял храм над Москвой, и много человеческих жизней, много тяжелых мучений стоило его золоченое благолепие.

Сейчас умер этот храм, и на его месте через несколько лет встанет Дворец советов.

Многотысячным человечьим потоком потекут сюда людские волны по широкой, прямой, как стрела, аллее Ильича. Они придут от площади Дзержинского, мимо величественной гостиницы Моссовета, вставшей на месте Охотнорядского рынка, минуют кремлевскую стену и новое здание Ленинской библиотеки с ее прекрасной мраморной колоннадой и подойдут к Москва-реке, широкой и полноводной от ее слияния с Волгой. И здесь, на берегу обновленной реки, будет стоять Дворец советов.

Он встретит гостей памятником Карлу Марксу, зелеными скверами, фонтанами, цветами и громадой своей башни, далеко уходящей ввысь.

На фасаде дворца будет представлена вся история пролетарской революции.

...Первые рабочие маевки. Разгон демонстраций. 1905 год и ссылка, каторга, жандармы. Мировая война. Приезд Ленина. Его первые выступления. Взятие Зимнего дворца и Октябрьская революция.

Все это расскажет фасад Дворца советов своими статуями, скульптурами, барельефами.

Текут людские толпы к Дворцу советов. По широкой мраморной лестнице они идут наверх,—туда, где на высоте 12 метров над землей—громадная каменная площадь с двумя широкими мраморными террасами по бокам.

Эти террасы—поднятые вверх улицы. По ним идут

демонстрации, взбираясь все выше и выше. Они идут на разных уровнях, и с любой точки этих мраморных высоких улиц видно волнующееся красными знаменами человеческое море демонстрантов.

Широкая лестница и десятки бесшумных лифтов ведут в Малый зал—в самую большую театральную залу Москвы. Здесь 5.900 человек могут присутствовать на с'ездах и концертах, театральных постановках и торжественных заседаниях. Здесь громадная библиотека, просторный читальный зал и полмиллиона книг на полках.

Снова широкие лестницы, переходы, лифты и наконец Большой зал дворца. Мир не знает еще такого грандиозного зала. Десять тысяч кресел громадным круглым амфитеатром расположены внутри высокой башни.

Он так велик, этот Большой зал, что десятки лифтов соединяют друг с другом его ярусы. Самое большое футбольное поле в длину меньше его диаметра, а здание бывшего храма Христа целиком помещается в нем, причем вверху остается еще 12 свободных метров.

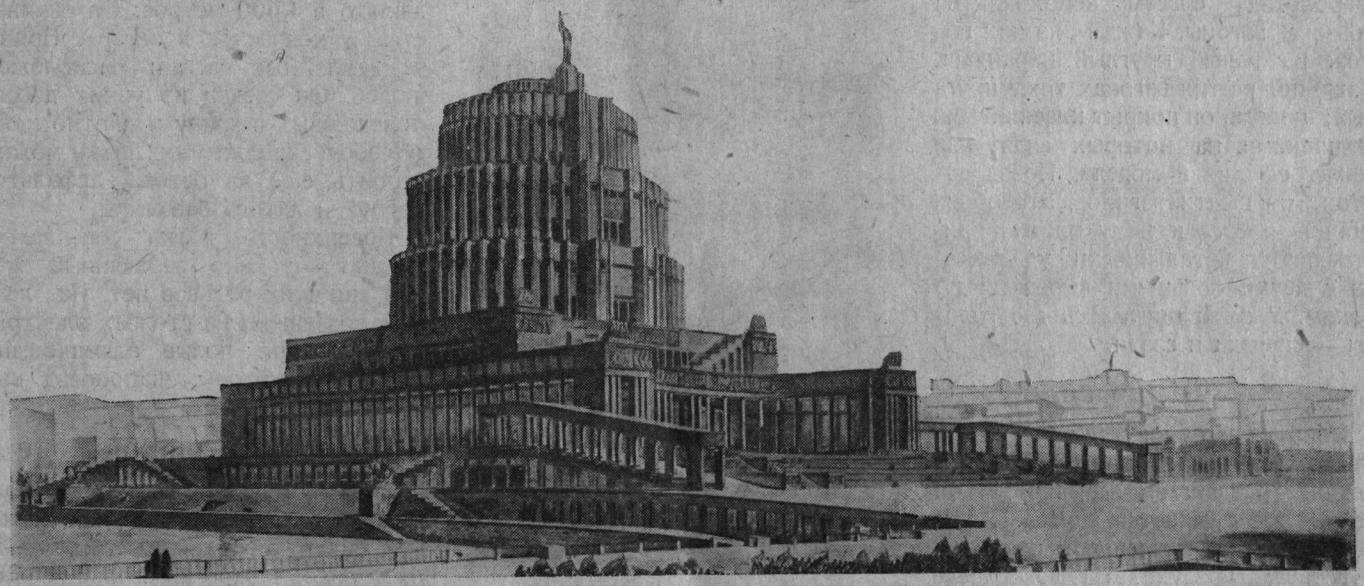
Большой зал так велик, что в нем невозможно установить экран для говорящего кино так, как это делается во всех других залах: звук кинокартины, проходя от аппарата к экрану, отстанет на одну треть секунды от изображений. Поэтому экраны будут установлены в центре зала, и каждый зритель будет видеть только «свой» экран.

А те, кто не сумеет попасть в Большой зал в дни торжественных заседаний, смогут увидеть и услышать все, что делается на его трибуне, стоя на громадной площади перед дворцом. Особые аппараты заснимут на кинопленку речь оратора Большого зала, лаборатория «экспресс-проявки» проявит пленку в течение нескольких минут, и оратор еще не кончит своей речи, как на площади перед дворцом десятки тысяч смогут увидеть и услышать оратора на специальном экране, подвешенном на привязных аэростатах.

Толстой купчихой расселся над Москва-рекой храм Христа

А над всем этим, высоко на крыше дворца, над всей Москвой, над ее домами и фабричными трубами, — гигантская 70-метровая фигура Ленина.

Таким встанет на месте старого умершего храма величественный Дворец советов—прекрасный памятник Октябрьской революции.



Так будет выглядеть Дворец советов, выстроенный на месте храма Христа

Читателям журнала „Пионер", юным ленинцам, от изобретателя шаропоезда дружеский привет!

Мы сейчас быстрыми темпами осваиваем новую технику. Она помогает перестраивать нашу жизнь на социалистических началах. Шаропоезд создан в нашей стране как детище Октября, и когда вы будете взрослыми, по Всемирному союзу советских республик, я убежден, будут проложены шаро-лотковые пути.

Учитесь, ибо вы, юные большевики, должны овладеть техникой.

Изобретатель Н. ЯРМОЛЬЧУК

7/X!—1933 г.

ПОЕЗД, КОТОРЫЙ ДОГОНЯЕТ АЭРОПЛАН

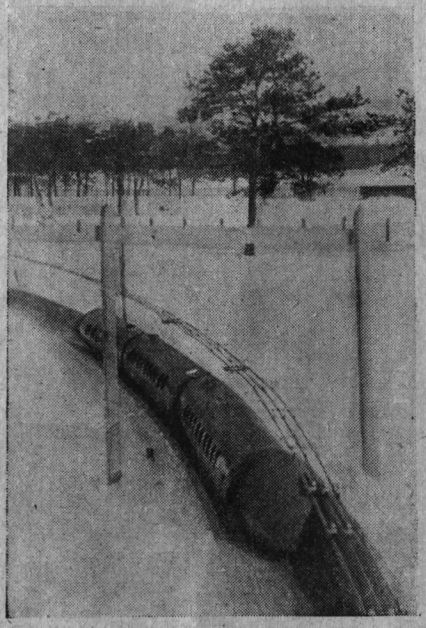
Очерк М. Шейнинга

Красно-синяя змея

На опытном участке проводятся опытные поездки шаропоезда. Большой участок луга и леса окружен низеньким решотчатым забором. За забором огромная красно-синяя змея, которая наполовину выползла из своего логова — досчатого ангара. Это и есть шаропоезд. Вагоны шаропоезда совсем непохожи на обычные вагоны. Каждый из них похож на новый круглый карандаш. Даже пол в этих вагонах тоже круглый; правда, он покрыт клеенчатыми подушками, на которых сидят или лежат едущие в модели. Поезд состоит из шести вагонов, а с обоих концов поезда к нему плотно приставляются металлические удлинители с двумя большими вырезами по бокам. У змеи очутилось две головы — спереди и сзади.

Зачем ей две головы

Вокруг нас находится воздух. Идя пешком, мы легко своим телом рассекаем, раздвигаем его, причем он сейчас же смыкается справа и слева. Мы ходим медленно и почти не чувствуем воздуха. На велосипеде мы движемся быстрее. Мы сильнее чувствуем сопротивление воздуха, а если еще встречный ветер, то двигаться совсем трудно. Чем легче будет движущемуся экипажу рассечь воздух, тем легче ему будет передвигаться вперед, т. е. увеличивать скорость. Удлинители и помогают шаропоезду легче рассекать воздух. Они придают шаропоезду форму дирижабля. Это не случайно. Дирижабль строится с таким расчетом, чтобы воздух лучше обтекал его во время движения. Чем длиннее дирижабль, тем лучше его обтекаемость. Шаропоезд и похож на удлиненный дирижабль.



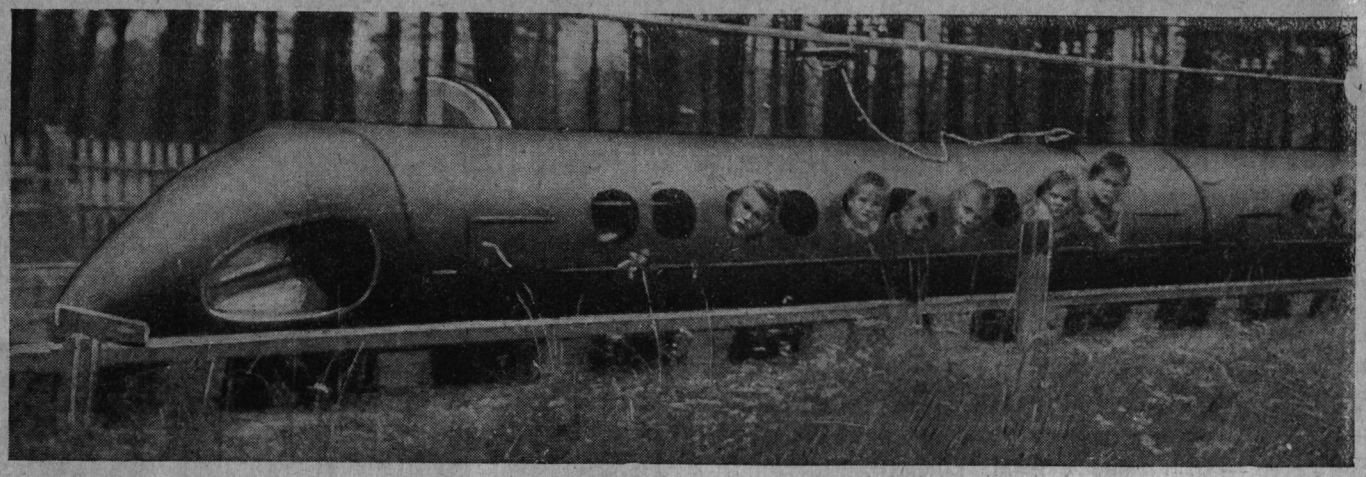
Самый легкий поезд

Шаропоезд очень легок. Одной рукой нетрудно толкать все его шесть вагонов. А попробуй-ка хотя бы стронуть с места такой же железнодорожный вагон или автомобиль! В вагонах шаропоезда мало металла, и это большое их преимущество. На 1 километр паровых железных дорог нужно 100 тонн металла, для электрических еще больше, а для шарового транспорта втрое и даже вчетверо меньше. Пройдемся вдоль лотка. Это круг длиною в 1.600 метров. Он начинается и кончается в ангаре. Прямо на земле, без насыпи, расположен жолоб. Он сделан из узких досок, положенных в длину и плотно между собою скрепленных. Лотки можно строить еще из бетона, асфальтобетона и литого базальта.

Поверхность лотка совершенно гладкая — только деревянный жолоб, никаких рельсов нет. Над лотком подвешены на столбах электропровода, три полые алюминиевые трубки, от которых шаропоезд, как и трамвай, получает ток.

Поездка в шаропоезде

Я ездил в шаропоезде. Надо расположиться в вагоне (лучше лежа, чем сидя), устроившись так, чтобы было видно в одно из овальных окошек. Это очень нетрудно, так как каждый вагон имеет по пяти пар окон с обеих сторон — правой и левой. Неожиданно оказывается, что поезд уже движется. Начав без рывка, поезд быстро набирает скорость: 10, 20, 30, 40, 50 километров в час... Без грохота, толчков, лязга,



стука, запаха горелого бензина шаропоезд преодолевает пространство, описывая один круг за другим. На несколько секунд поезд пропадает в туннеле. Это — ангар, жилье чудесного змея. Затем он несется лугом, делает поворот, мчится прямой лентой по лесу и снова сквозь ангар. 60, 70 километров в час... Так как окна поезда находятся очень близко к земле, то столбы, сосны, дачи смешиваются в один сплошной пестрый хаос, и быстрота кажется еще большей, чем на самом деле. Закрываешь на миг глаза, уставшие от мелькания. Поезд мчится бесшумно и мягко, абсолютно не чувствуется покачивания. Вдруг сразу движение прекращается — поезд стал.

— Ловко?—смеется очкастый инженер, водитель поезда, высунув голову из окошка.—Видите, как шаропоезд послушен. Остановить его очень легко и просто, да и вести совсем нетрудно. У велосипедиста—руль, у шофера—рулевое колесо. У нас руля нет, и он не нужен. Там—принудительное управление, здесь—автоматическое движение. Поезд несется по дну лотка. Лоток направляет движение. Следить за скоростью и за остановками можно в любом из вагонов. «Головы» и «хвоста» нет, у нас каждый вагон сам себе голова. Сейчас доставлю вас задним ходом.

Поезд ползет назад — и через несколько секунд он в ангаре.

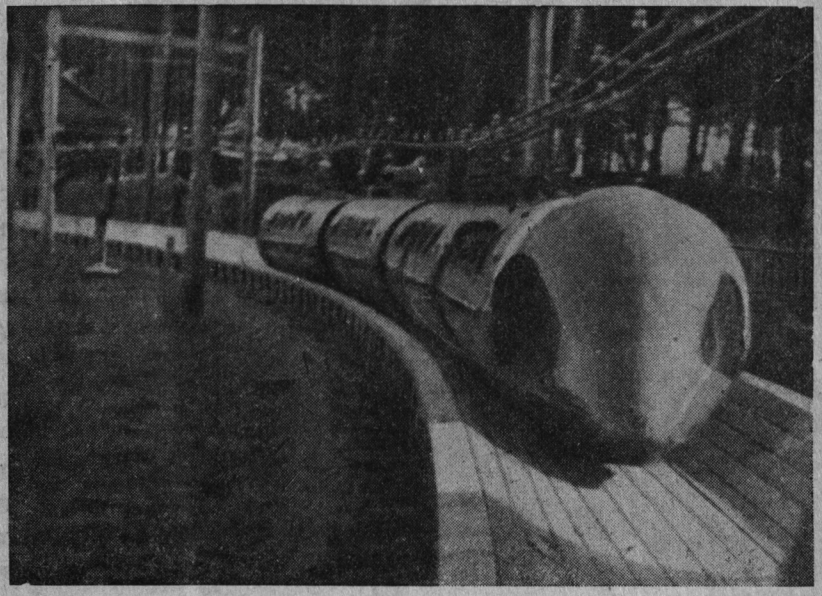
Поезд без колес

В шаропоезде вместо колес шары. Автомобиль или телегу, хоть они и на колесах, надо двигать, тянуть или толкать какой-то силой, находящейся вне их, а не то экипаж не сойдет с места. Другое дело—шаропоезд. Шары здесь вертятся сами. Тяговая сила поезда в одном месте—паровозе, у автомобиля—в одном моторе, у шаропоезда тяговая сила в каждом шаре. В каждом шаре на неподвижной оси прикреплен мотор. Стоит включить электроток, моторы внутри начнут работать, и шары завертятся и потащат на себе вагоны. Если окружность шара равна метру и в минуту он оборачивается тысячу раз, то поезд мчится с быстротой 1 тыс. метров в минуту—60 километров в час. Быстрота движения зависит от величины шара и количества оборотов его в минуту или секунду.

Мы знаем, что на двухколесном велосипеде быстрее ездишь, чем на трехколесном. Это об'ясняется тем, что оба колеса велосипеда — переднее и заднее — движутся по одной линии. Этим шаровагон похож на велосипед, он тоже движется по одной линии.

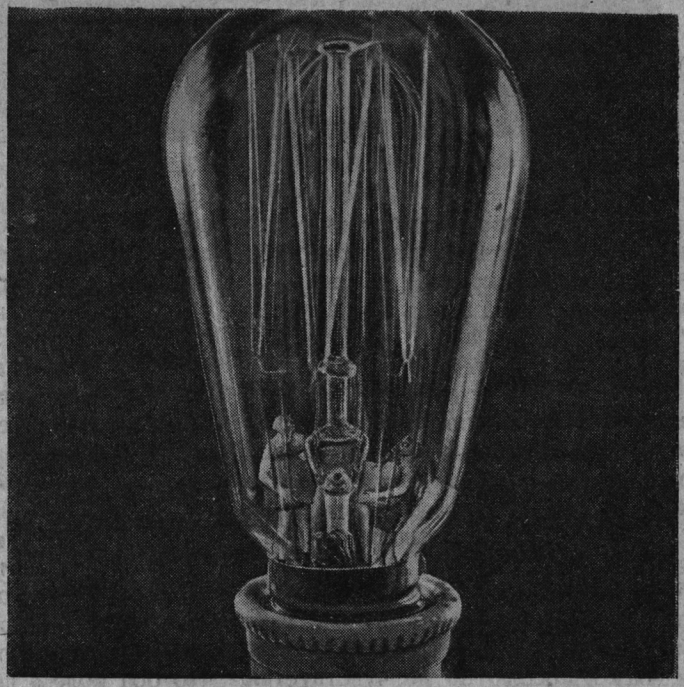
Как устроен шаровой каток

Это полый шар с усеченными сегментами (боками). На стальной оболочке шара — слой вулканизированной резины в 2 сантиметра. Резина мало изнашивается благодаря свободному ходу катка в лотке (нет рельсов) и плавному движению. Резина со своей стороны почти не разрушает пути, несмотря на быстрое движение. Шаровой транспорт использовал все новейшие технические достижения транспорта. Но главное в нем—применение шара—блестящее изобретение Н. Г. Ярмольчука. Модель на опытном участке двигалась уже со скоростью 72 километра в час на деревянном лотке. На асфальтовом лотке, который строится теперь, эта скорость увеличится в полтора раза. По решению Совнаркома скоро начнут строить новую опытную дорогу длиной в 25 километров. Там шаропоезд будет двигаться со скоростью 180 километров в час. Разработан проект, где при диаметре шара в 370 сантиметров скорость достигнет 250 километров в час. Шаропоезд догонит аэроплан.



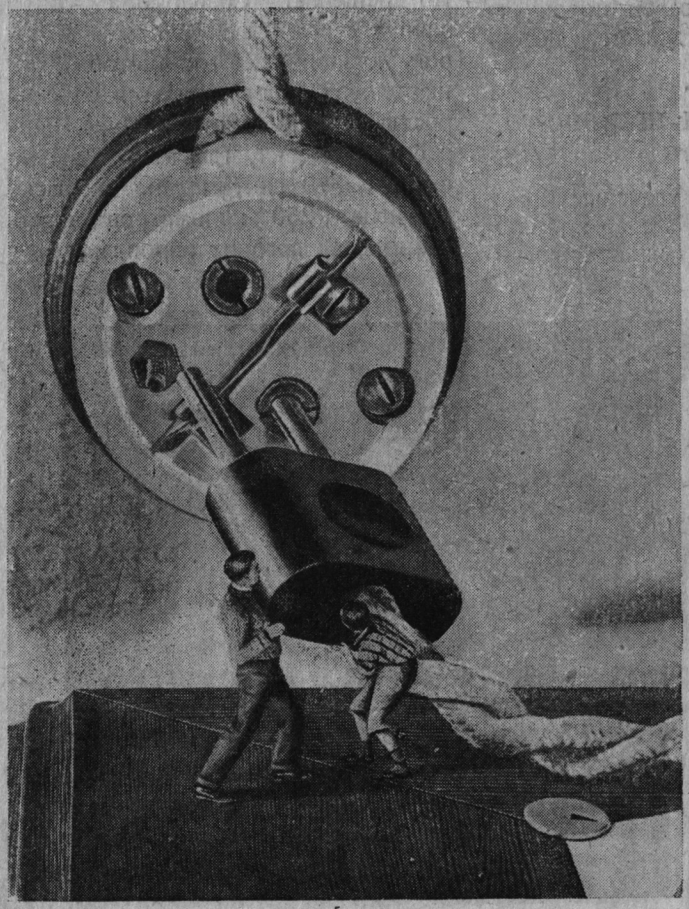
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ПОД КОЛПАЧКОМ ЛАМПЫ

Залезть двум взрослым людям под стеклянный колпачок электрической лампы конечно никак невозможно: лампочка маленькая, а человек большой. Но фотограф т. Махалов все-таки ухитрился посадить в лампу двух своих приятелей, артистов Московского театра для детей — Б. Гальнбек и М. Ещенко. Как он это устроил, неизвестно; пока он держит свой фокус в секрете и ничего не говорит. Он лишь уверяет, будто прежде всего сделал их очень маленькими—ростом в 1 см., не больше. Потом поставил на письменный стол. А дальше они проделали свое путешествие вполне самостоятельно. Фотограф только следил за ними и снимал.



Когда они взобрались на стол, лампочка не горела. Это была самая обыкновенная настольная лампа, и шнур был вынут из штепселя.

Приятели—люди настойчивые и решили во что бы то ни стало зажечь лампочку. Но так как они притом и очень любопытные, то не постеснялись отвинтить фарфоровую крышку штепселя. Под крышкой оказались два металлических туннеля и тонкая проволочка на фарфоровом кружке. Зачем нужна была штепселю эта проволока, они не могли догадаться. Но для них было совершенно ясно, что туннели—это гнезда, в которые вставляется вилка настольной лампы.

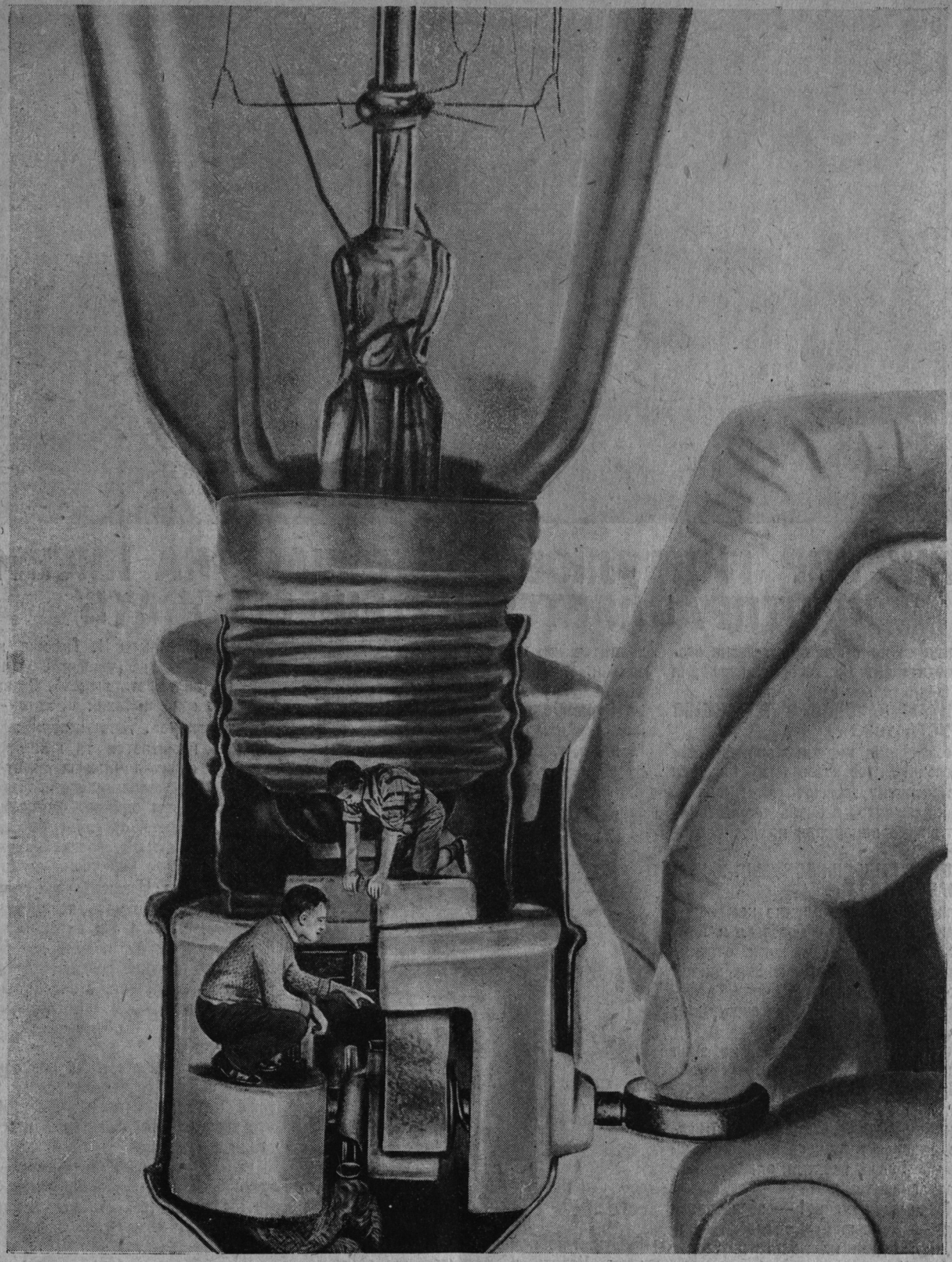


Однако даже после этой трудной операции лампочка не загорелась. Оказывается, для этого надо было еще повернуть выключатель в патроне лампы. И приятели, попросив фотографа проделать это, залезли в патрон.

Патрон оказался точно так же из фарфора, как и штепсель. Внимательно рассматривая его внутренность, приятели поняли, что по фарфору ток итти не может. Только металл служит для него удобной дорогой. И действительно, когда фотограф повернул выключатель, внутри патрона соединились две металлических пластинки и открыли электрическому току путь в лампу. Лампочка ярко вспыхнула.

Теперь наступила самая трудная часть пути: приятели решили залезть под стеклянный колпачок. Они помнили: если тронешь рукой горящую лампу, можно обжечься. Значит внутри лампы очень жарко. Поэтому они одели трусы. Но они еще слышали, будто под колпачком нет воздуха (правда ли это?). И на всякий случай захватили с собой резиновые подушки с кислородом и одели маски.

Как залезли они в стеклянную грушу—тайна: фотограф молчит. Но они все-таки залезли. И через отверстия в маске видели раскаленные вольфрамовые волоски: они светились ослепительно ярким светом.



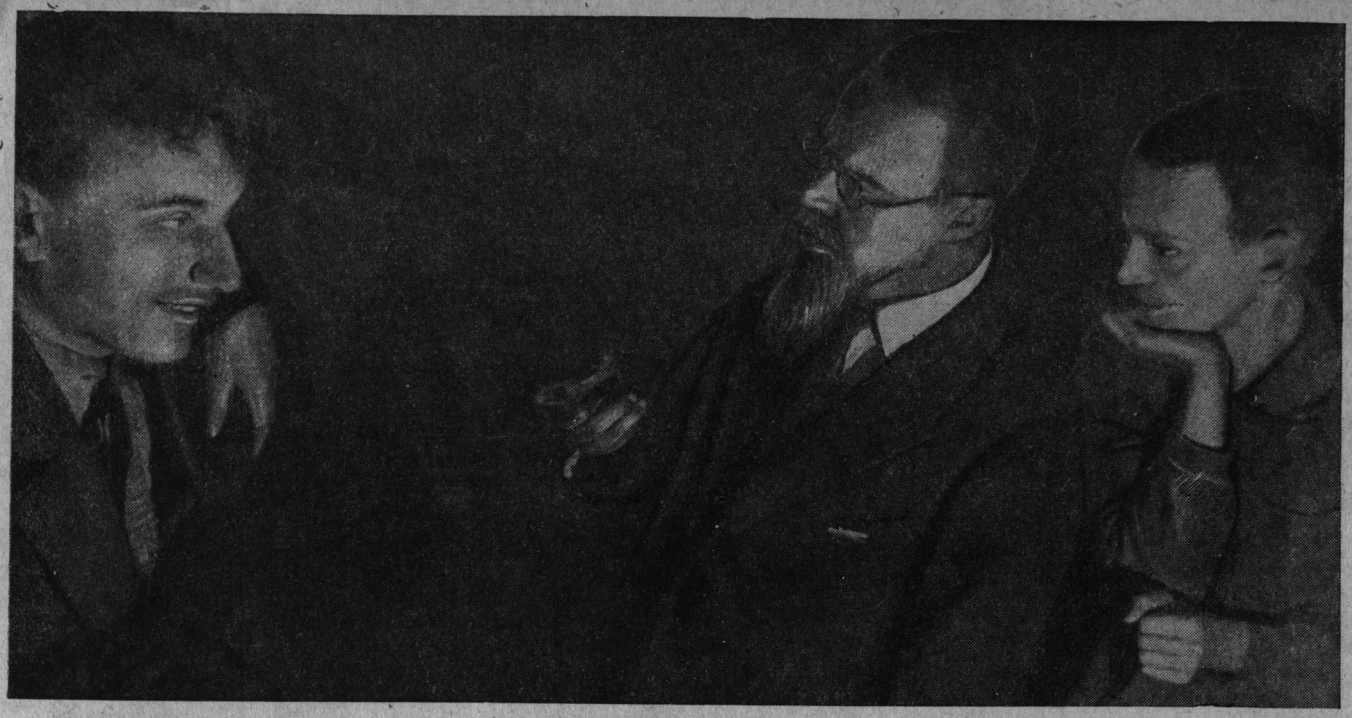
Вдруг рядом с ними что-то вспыхнуло, обожгло тело, и лампа погасла. Перепуганные, израненные, они выскочили наружу. И тут они прежде всего заметили, что у одного из них кислородная подушка оказалась дырявой, а вольфрамовая нитка в лампочке разорвана. Какая связь между дырой в подушке и порванной ниткой, они не поняли. И фотограф спрашивает всех наших читателей:

— Зачем нужна штепселю тонкая проволока на фарфоровом кружке?

— Почему случилась неожиданная катастрофа под стеклянным колпачком?

Тем ребятам, которые правильно ответят на эти вопросы, фотограф напишет письмо и подробно об'яснит, как он сделал своих приятелей маленькими и посадил их в патрон и в лампу. А редакция напечатает фамилии разгадавших ребят в январском номере журнала.

Пишите нам без марок по адресу: Москва, ул. М. Горького, дом 8, редакция журнала «Пионер».



ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ ОТВЕЧАЕТ НА ПИСЬМА И ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

В редакции на стене висит доска особых посетителей. До сегодняшнего дня на ней была только одна строчка:

ТУТ-ИТАМ ЗАХОДИЛ В РЕДАКЦИЮ 13 АВГУСТА 1933 г.

И все. Больше никаких записей. Ни один особый посетитель не пожелал даже на минутку забежать в «Пионер». Но сегодня редактор в очень торжественной обстановке нацарапал на доске вторую строчку:

ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ БЫЛ У НАС 21 ДЕКАБРЯ 1933 г.

Это произошло совершенно неожиданно. Редактор только что пообедал и благодушно сидел за столом, когда отворилась дверь и в комнату вошел живой Гидролюбов—с бородой, в очках, нервный, раздражительный, со скрипучим голосом.

Редактор очень обрадовался, не знал куда усадить почетного гостя.

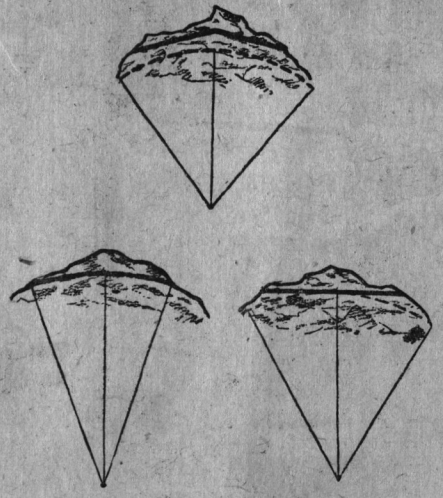
— Прежде всего должен вас предупредить, что 15 декабря я вместе со своим племянником Юркой отправляюсь в далекое и опасное путешествие. Если вам угодно, мы будем вашими специальными корреспондентами.

— Конечно, конечно! — обрадовался редактор. — Присылайте с дороги телеграммы, мы будем их печатать. Обязательно будем!

— Удивляюсь, как можете вы соглашаться, не зная даже приблизительно куда я еду и зачем? Кстати говоря, мое путешествие как раз очень необычно... Вот вам моя записная книжка: в ней подробно изложен маршрут моей экспедиции. Попробуйте сегодня вечером разобраться в нем, а завтра утром я жду вашего звонка по телефону и обдуманного ответа.

Итак, с первым вопросом покончено. Теперь давайте говорить о втором. Вы прислали мне груду писем ваших читателей: в них ответы на мои вопросы и задачи. Я не желаю быть невежей и поэтому хочу ответить ребятам.

Начнем с верхней пачки писем. Она касается как раз вопроса о туннеле. Вы помните, т. редактор, эту задачу? Я нарисовал три способа проходки туннеля и попросил ребят разгадать, который из этих туннелей прорыт горизонтально.



Ребята мне прислали целую кучу ответов... Кстати, т. редактор, вы сами решили эту задачу?

Редактор растерялся: ему не удалось в свое время как следует подумать над туннельной задачей. Но сознаться в этом было стыдно, и редактор быстро ткнул пальцем во второй туннель.

— Вот этот. Он ровный, а значит и горизонтальный.

— Вы ошиблись, мой милый друг, не все то горизонтально, что ровно. Но не отчаивайтесь: точно такие же ответы дает вот эта пачка писем. Она начинается письмом В. Панова из г. Ура-Тюбе и кончается письмом Н. Гюрина, живущего неизвестно где (ужасно скверная привычка—не писать адреса). Во всех этих письмах одно и тоже: «Ровно — значит горизонтально». Это неверно: горизонтальной называется та линия, которая во всех своих точках образует прямые углы с направлениями отвесных линий или, в нашем случае,—земных радиусов. Как видите, с вашим ровным туннелем этого нет. Он образует прямой угол только с одним радиусом, идущим к его средней точке. И если бы вы попробовали вырыть такой туннель, то поезд, идущий по нему, сначала бы спускался вниз, а потом, с середины, поднимался бы вверх. Вся вода, которая просачивалась бы через стенки туннеля, стекала бы к середине и плескалась там порядочной лужей. Это был бы неважный туннель, т. редактор.

На вашем месте я бы предложил вырыть туннель третьим способом (хотя он тоже не горизонтален): он удобен тем, что вода не застаивается в нем, а сама стекает к краям.

И наконец верхний туннель—единственный горизонтальный туннель из трех. Он интересен тем, что вода в каждой его точке будет находиться в равновесии и никуда не вытечет.

Должен вам сказать, т. редактор, что очень многие ребята дали верные ответы—у меня накопилась целая пачка таких писем. Но самые лучшие ответы дали Е. Мизрухина из Киева, В. Белев из Западной области и А. Расторгуев из Тобольска. Я считаю их победителями.

Теперь мне бы хотелось поговорить о второй моей задаче. Помните, я посадил в калошу моего племянника Юрку, который упрямо утверждал, что жизнь без трения была бы прекрасной. Но так как он упорствовал, то я и попросил ребят ответить на два вопроса:

1. Почему техника борется против трения?

2. Прав ли Юрка, что если трение исчезнет, то наши самолеты, автомобили и поезда будут развивать бешеные скорости?

Ребята конечно прислали мне кучу писем. И представьте себе, т. редактор, почти все ответили правильно. Особенно хороший ответ прислала пионерка Нина Сибирякова из Саратова. Мне бы хотелось, чтобы вы ее письмо напечатали целиком. Вот оно:

«Техника борется против трения потому, что оно в некоторых случаях мешает нашей промышленности. Например: когда бревно везут по земле, то появляется трение. В этом случае трение мешает движению бревна, и под бревно подкладывают кругляши, при помощи которых уменьшается трение. То же самое проделывают и шарикоподшипники. При этом вращающийся вал машины не трется о неподвижное тело подшипника, а катится по нему на стальных шариках. Это значительно уменьшает силу трения.

Но в некоторых случаях люди стараются увеличить трение.

Например: чтобы увеличить трение колес автомобиля о землю, на шинах автомобиля делают узоры, без чего колеса автомобиля будут буксовать и автомобиль не сдвинется с места.

Мне кажется, что Юрка неправ, когда он говорит, что если трение исчезнет, то наши самолеты, автомобили и поезда будут развивать бешеные скорости, и вот почему. Если трение исчезнет, то поезда и автомобили не пойдут, а самолеты не полетят и будут стоять на одном месте, потому что колеса будут буксовать, а самолет без трения не сможет держаться в воздухе.

Отсюда, по моему мнению, вывод: трение в некоторых случаях вредно, и с ним надо бороться, а в некоторых случаях оно полезно, и его надо увеличивать. Без трения же жизнь на земле будет невозможна».

Видите, какое обстоятельное письмо... Но я спешу, т. редактор. Записная книжка у вас: изучите маршрут и звоните по телефону. До свиданья.

Гидролюбов ушел, а редактор стал изучать записную книжку.

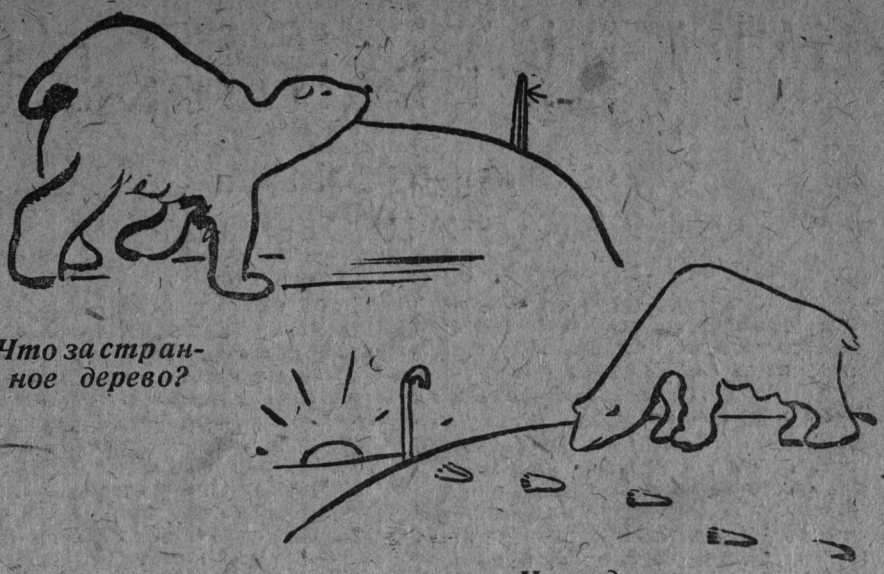
* * *

В последнюю минуту, когда номер верстался и готов был пойти в машину, редакция получила телеграмму:

Второй день пути тчк Настроение бодрое тчк Ждите на днях первое сообщение Гидролюбов зпт Юрка зпт корреспондент Пионера Лопатин тчк

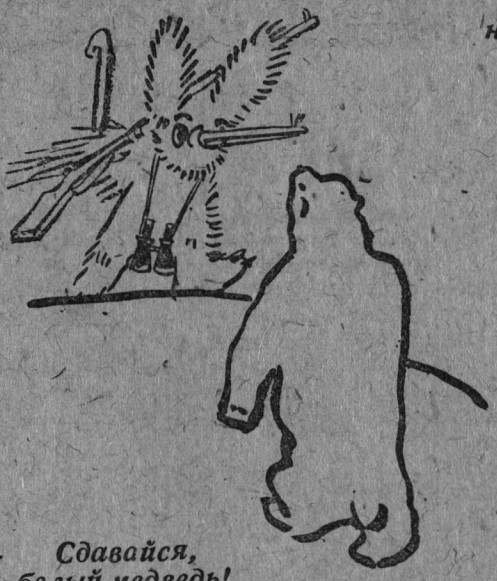
Редактор, который до сих пор хранил гробовое молчание, уверил тут же всю редакцию, что «Пионер» в 1934 г. будет печатать дневник путешествия Гидролюбова и его спутников.

ТУТ-ИТАМ НА ОХОТЕ



Что за странное дерево?

Никогда не нюхал таких следов



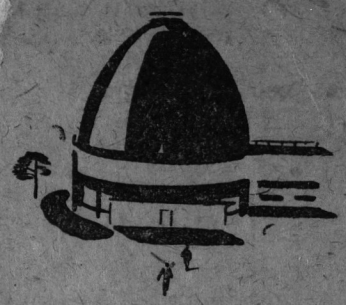
Сдавайся, белый медведь!

Живой трофей

Цена 25 коп.

СМОТРИТЕ В НЕБО

ОБРАЩЕНИЕ ПРОФ. БАЕВА К ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ



Московский планетарий — единственный в своем роде звездный театр. «Представление» там особое: прогулка по звездам, по вселенной. За час можно там проникнуть в самые далекие глубины мироздания.

Аппарат планетарий показывает ДЛЯ ЛЮБОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШИРОТЫ все те созвездия, которые видны на небе в данный вечер. Звезды, которые он показывает, искусственные, электрические, но похожие на настоящие. Каждый день под куполом большого зала планетария читается несколько лекций на разные астрономические темы.

Есть в планетарии кроме большого зала еще и другая аудитория — «малая», где происходят заседания секций МОВАГО (Московского астрономо-геодезического общества). На заседаниях этих почти сплошь молодежь: школьники, инженеры, вузовцы. Значит планетарий в Москве сделался уже «рассадником» астрономии.

Почему нужна астрономия?

АСТРОНОМИЯ И «РОЖДЕСТВО». Про так называемое «рождество» все дети и школьники СССР вероятно уже позабыли. А вот в буржуазных странах «рождество» до сих пор празднуют. И не только елки устраивают, а и про «вифлеемскую» звезду вспоминают.

Что ж это за «вифлеемская» звезда такая? Одно из евангелий рассказывает про эту звезду: когда младенец христос лежал в яслях, только что родившись, то загорелась на небе яркая звезда на востоке. И «волхвы», т. е. астрологи, пришли поклониться христу как царю иудейскому, и звезда вела их. До сих пор милая сказочка обморочивает неграмотных и непросвещенных: в самом деле, вдруг появилась на небе НОВАЯ яркая звезда. Это ли не чудо?

Вот тут и приходит на помощь астрономия. Прежде всего оказывается, что и 1933 года тому назад, когда якобы родился христос, астрономы и астрологи уже очень хорошо знали небо, и появление новой яркой звезды никак на небе просмотреть не могли. А между тем ученые, астрономы, историки об этой звезде не упоминают, не пишут о ней ни одного слова. Кроме того разве звезды могут «ходить», т. е. перемещаться по небу? Среди звезд перемещаются только те ОСОБЕННЫЕ «звезды», которых поэтому и называют ПЛАНЕТАМИ (от греческого слова «блуждать»). А другие звезды могут только восходить и заходить. Между тем в евангелии прямо так и сказано: звезда «шла» перед «волхвами». Значит составитель евангельского рассказа ничего решительно в астрономии не понимал и весь свой рассказ сочинил. А все историки, все писатели-современники молчат о христе и ровно ничего не пишут о нем, очевидно потому, что никакого великого пророка, чудотворца и учителя христа никогда и не было.

АСТРОНОМИЯ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ. Христа никакого не было, его сочинили, его выдумали. Им заменили многих других местных богов и в частности очень в то время популярного бога Митру (бога Солнца). Праздник Митры, «непобедимого Солнца», праздновался как раз 25 декабря. Этот праздник основатели новой христианской религии нарочно оставили, так как народ привык к нему. Но они заменили торжество рождения нового года праздником в честь мнимого рождения никогда не существовавшего христа. Астрономия в этом случае помогает нам. В самом деле, 25 декабря (старого стиля) солнце поднималось примерно на один градус над точкой зимнего солнцестояния — рождался новый год. После зимней тьмы и холода появлялось «новое Солнце», как говорили римляне в то далекое от нас время.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ КРУЖКИ И МОВАГО. Теперь, когда развертывается антирождественская кампания, полезно вспомнить кое-что и по астрономии: и о зодиакальных созвездиях, и о годовом видимом движении Солнца по небу, и о том, что такое Солнце. И всему этому учит нас астрономия. Но астрономию в школах начнут преподавать только на десятом году обучения. А в каждой школе есть ребята, интересующиеся астрономией. Что же им делать?

Соня Рустанович, комсомолка, член МОВАГО, устроила у себя в третьей школе Электрозавода (Большая Семеновская, д. 40) астрономический кружок. Она заразила своим энтузиазмом других ребят своей школы, и теперь у нее кружок из 10 молодых звездочетов. Члены кружка Рустанович посещают собрания МОВАГО, отвоевали себе у школы вышку, соорудили себе астрономическую трубу из очковых стекол и с жаром занялись изучением астрономии по книгам. Скоро юные звездочеты начнут уже наблюдать метеоры («падающие звезды»), и эти наблюдения будут научной их работой.

Юные астрономы кружка Сони Рустакович крепко спаяны любовью к звездной науке. Они пламенно хотят наблюдать и постепенно в МОВАГО учатся, как и что наблюдать в разные месяцы года. Если полюбишь наблюдать, то наблюдать выучишься скоро! И собранные наблюдения принесут пользу науке.

Мне, пишущему эти строки, который 25 лет работает в МОВАГО, особенно приятно писать о кружках юных астрономов в школах, вроде энергичного кружка Сони Рустанович! Ведь в прежнее царское время кружки в школах, даже астрономические, ни в коем случае нельзя было устраивать. Это строжайше запрещалось.

Оно и понятно: даже самые простые наблюдения, например Луны, планет, Солнца с его пятнами, шатают основы религии. Юным звездочетам, кое-что знающим по астрономии, очень легко разбивать многие библейско-церковные представления о мироздании.

И я от лица МОВАГО обращаюсь ко всем школьникам, в особенности ко всем пионерам, с горячим призывом: идите в МОВАГО, идите туда изучать астрономию! Организуйте кружки по астрономии в своих школах; берите пример с юной энтузиастки Сони Рустанович; как она, приучайтесь к наблюдениям; сделайте себе самодельные трубы и самодельные приборы.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 29/XI—33 г., подписан к печати 29/XII—33 г. Изд. № 1143 Формат 1/8 62×94 см. 1 1/4 б. л. 135.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—69.062 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 3281 Тираж 43.000